

Сергей Гилин

ВЕДЬМАК из ПЕРМИ

Сергей Гилин

Ведьмак из Перми

«Автор»

2026

Гилин С.

Ведьмак из Перми / С. Гилин — «Автор», 2026

Что необычного в простом чёрном коте? Что, если его температура — ниже нуля, а раны не объяснить законами природы? Что, если он говорит с вами, не произнеся слова? Кирилл Орлов — рядовой ветеринар. Работа, пациенты, однушка в Перми и вечная усталость. Но когда он спасает принесённого кота смесью соли и трав, в которую сам не верит, его жизнь раскалывается надвое. Кирилл оказывается в тайной реальности, где ведьмы заключают сделки, домовые обожают сгущёнку, а лешие прячут артефакты в лесных захоронках. За порядком здесь следит специальный Департамент, расследующий преступления, о которых люди даже не догадываются. Спасённого кота зовут Никлаус. Он — древний магический библиотекарь, знающий слишком много. Теперь за ним охотится ведьма, в кармане Кирилла лежит артефакт, а сам ветеринар понимает: его «обычность» была лишь иллюзией. Кириллу придётся не просто выжить. Ему придётся во всём этом разобраться. А помогать ему будет самый высокомерный кот на свете.

© Гилин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пациент номер семь	5
Глава 2. Соседский домовой	16
Глава 3. Визит магического следователя	27
Глава 4. Наследие	32
Глава 5. Нелёгкий рассказ	40
Глава 6. Приговор ведьме и подземное капище	45
Глава 7. Когда оживают легенды	49
Глава 8. Выбор крови	54
Глава 9. Пермский звериный стиль	59
Глава 10. Рассказ домового	65
Глава 11. Процедура утилизации	69
Глава 12. Место венценосной крови	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сергей Гилин

Ведьмак из Перми

Глава 1. Пациент номер семь

Последняя запись в журнале приёма завершила долгий, утомительный день. Запись о пациенте за номером шесть гласила: *«Такса Глаша, возраст — семь лет, проблемы с пищеварением, рекомендация — меньше сосисок со стола».*

Кирилл уже собирался закрыть журнал, но задержался. Под записью про таксу он мелко дописал: *«Контроль через две недели. Уточнить соблюдение диеты.»*

Потом усмехнулся сам себе.

— Всё равно ведь опять начнёт подкармливать...

Он поставил крошечный вопросик на полях и только после этого захлопнул журнал.

Кирилл Орлов зажмурился, массируя виски. Запахи больницы — антисептик, шерсть, сладковатый аромат корма — въелись в одежду и волосы так, что, казалось, он сам пропах ветеринарной клиники.

— Марина, я всё! — крикнул он в коридор, натягивая куртку. — Если там не истекает кровью носорог или не рождает слон — я невидим и не слышим до завтра. Мне даже чайник лень включать, чтобы не шевелить лишний раз воздух.

— Кирилл Игнатьевич! — Из-за двери высунулось встревоженное лицо ассистентки. — Тут к вам... без записи.

— Скажи им, что я ментально уже на диване, с пиццей и сериалом. Что угодно. Скажи, что меня срочно вызвали на консилиум по поводу йоркширского терьера с дистимией.

— Девушка... она вроде как плачет. И с переноской.

Кирилл издал стон, среднее между усталостью и капитуляцией. Принцип «не навреди» больно бил по принципу «я тоже человек, мне отдохнуть хочется». Он махнул рукой.

— Ладно. Вали её сюда. Но чтобы быстро. У меня там, считай, жизнь проходит.

В кабинет впорхнула, почти вбежала молодая девушка, прижимая к груди обычную переноску. Из неё доносилось жалобное, но на удивление громкое для своих размеров мяуканье.

— Доктор, я не знаю, что с ним! Он с утра какой-то не такой! — Она торопливо поставила переноску на стол.

— Успокойтесь, — автоматическим, отточенным за годы жестом Кирилл придвинул её к себе. — Сейчас разберёмся. Не такой — это какой? Поёт арии из «Кармен»? Требуется признать независимость Косова?

Он открыл дверцу. И замолчал.

На какое-то мгновение в кабинете словно стало тише. Даже привычное гудение холодильника для вакцин будто ушло куда-то вглубь, а уличный шум за окном практически пропал, словно дверь между ним и миром неожиданно прикрыли.

Кирилл потом ещё много раз будет вспоминать именно эту секунду. Именно эту странную, ничем не объяснимую тишину перед тем, как его жизнь окончательно перестала быть прежней.

В переноске, на мягкой подстилке, лежал кот. Не просто кот, а животное с обложки глянцевого журнала. Угольно-чёрный, с шерстью, отливающей синевой, и глазами цвета молодого изумруда. Он посмотрел на Кирилла.

Кириллу вдруг стало не по себе от этого взгляда и совершенно нелепой мысли. Обычно он осматривал животных. Сейчас же возникло неприятное ощущение, будто это его внима-

тельно изучают. Не как врача. Как явление. Словно кот пытался решить для себя какой-то очень важный вопрос и пока не вынес окончательного вердикта.

Кирилл мысленно фыркнул собственной фантазии. Ну всё. До разговора с пациентами осталось полшага.

— Красавец, — машинально произнёс он.

И только потом привычка взяла верх.

— Хотя, если по-научному... лаковый электровеник повышенной пушистости.

Девушка даже не улыбнулась.

А кот...

Коту, как показалось Кириллу, эта шутка совершенно не понравилась.

Что-то было не так. Что-то щекотало его ветеринарное нутро тревожным звоночком.

— Он... он у меня всегда был тёплый, — всхлипывала девушка. — А сегодня холодный. И царапины какие-то... посмотрите.

Кирилл осторожно провёл рукой по шерсти. Девушка не преувеличивала. От кота веяло не животной теплотой, а лёгкой, неестественной прохладой, словно от гладкого речного камня. А когда он аккуратно раздвинул шерсть на боку, то отшатнулся.

Три идеально параллельные царапины. Неглубокие, но... от них поднимался лёгкий, едва заметный парок. Как от куска сухого льда.

— Господи... — выдохнул Кирилл. — Ладно. Оставьте его мне. На... наблюдение.

Он чувствовал, как по спине бегут мурашки. И ещё страннее было другое — впервые за всю практику ему казалось, что испуг принадлежит не только ему одному. В голове зазвучала одна-единственная мысль: *«Ну вот. Началось. И что, к чёрту, началось?»*

Ветеринарная практика быстро приучает не удивляться. За годы работы Кирилл видел собак, проглотивших половину детского конструктора, котов, переживших падение с девятого этажа, попугая, который трое суток изображал мёртвого исключительно из вредности, и хорька, сумевшего каким-то образом застрять внутри дивана.

Но сейчас происходило нечто совсем другое.

Это не укладывалось даже в категорию «очень странно».

— Марина! — Голос Кирилла прозвучал на октаву выше, чем обычно. — Готовь... кого там надо готовить. То есть нет. Принеси инфракрасный термометр. И... э-э-э... перчатки. Побережее.

Ассистентка, заглянув в кабинет и увидев его бледное лицо, мгновенно забыла о накадившем было несколько минут назад предвкушении конца рабочего дня и кивнула.

Кирилл тем временем пытался применить метод исключения. Бешенство? Нет, поведение неагрессивное, скорее отстранённо-высокомерное. Обморожение? В мае-то? Да и пар идёт от раны, а не от тела. Глисты? Ну, если только космические.

Марина вернулась с термометром. Кирилл навёл его на кота. На дисплее замигали цифры и выдали результат: минус четыре и две десятых градуса по Цельсию.

Кирилл молча навёл термометр ещё раз. Потом ещё раз. Цифры не изменились.

Он машинально открыл в компьютере карточку пациента и установил курсор в графе «Предварительный диагноз». Несколько секунд он просто смотрел на пустую строку.

Потом написал: «Переохлаждение».

Стёр.

«Неизвестная патология обмена веществ».

Снова стёр.

Немного подумал и, сам не понимая зачем, напечатал: «Невозможно».

Он ещё несколько секунд смотрел на это слово.

Потом криво усмехнулся.

— Очень научная формулировка...

И нажал Delete.

Строка снова стала пустой.

— Он что, с Марса? — прошептала Марина, вперившись в показания.

— Иногда мне кажется, что они все с Марса, — буркнул Кирилл, тряся термометр. — Аппарат глючит. Дай ртутный.

Но и старый добрый «палочный» термометр показал то же самое. Аномально низкая температура. Кот тем временем устало прикрыл глаза, словно всё это ему страшно надоело.

— Ладно, — Кирилл сжал волю в кулак. — Просто рана. Просто... очень странная рана. Будем обрабатывать.

Он надел перчатки, смочил ватный тампон в хлоргексидине и осторожно дотронулся до царапин. Раздалось негромкое шипение, и тампон моментально покрылся инеем, а затем рассыпался в мелкую ледяную крошку прямо на металлический стол.

Кирилл автоматически посмотрел на часы.

На циферблате — восемнадцать часов двенадцать минут.

Потом снова на кота.

Опять на часы — время шло как положено.

Значит, это не сон. Но он ущипнул себя за запястье.

Больно.

— Великолечно...

Теперь у него официально закончились рациональные объяснения.

В кабинете повисла мёртвая тишина. Марина машинально сделала шаг назад.

— Кирилл Игнатьевич...

Она впервые за всё время работы смотрела не на пациента.

На врача.

Словно пыталась понять, испугался ли он. И именно выражение его лица испугало её сильнее всего.

— Кирилл Игнатьевич, да он... он заколдованный!

— Он не заколдованный. У него... какая-то аномальная реакция тканей. Всё. Другого объяснения у меня пока нет, — огрызнулся Кирилл, сбрасывая с пальцев изумрудную пыль.

— Возможно, у него уникальный обмен веществ и аллергия на хлоргексидин. Да всё что угодно! Просто существует объяснение, которого мы пока не знаем!

Он говорил слишком быстро. Не для Марины — для самого себя. Пока слова звучали вслух, происходящее ещё могло притворяться обычной медицинской загадкой, а не полным крахом привычной картины мира. Он почти кричал, пытаясь заглушить внутренний голос, который настойчиво твердил, что никаких таких аномалий в его учебниках по патофизиологии не описано.

Кот снова открыл глаза и посмотрел на него с таким нескрываемым сочувствием, что Кириллу стало не по себе.

— Всё, Марина, свободна. Я сам.

— Но...

— Я сказал: свободна! — Он редко повышал голос на сотрудников, но сейчас голос дрогнул.

Девушка, испугавшись, ретировалась.

Уже закрывая дверь, Марина всё-таки обернулась.

— Кирилл Игнатьевич...

— Что?

— Если станет совсем плохо... Позвоните. Хорошо?

Он только махнул рукой.

— Иди уже домой.

Кирилл остался наедине с инопланетным существом и нарастающей паникой. Он запер дверь на ключ, прислонился лбом к прохладному стеклу шкафа с инструментами и закрыл глаза.

Он несколько секунд стоял неподвижно, слушая удаляющиеся шаги. Потом перевёл взгляд на кота.

Тот спокойно лежал на столе.

Будто терпеливо ждал, когда врач наконец перестанет убеждать себя, что всё происходящее можно объяснить учебником по внутренним болезням.

В кабинете стало удивительно тихо. До этого Кирилл никогда не замечал, сколько звуков живёт в ветеринарной клинике. Компрессор холодильника. Гудение ламп. Тиканье настенных часов. Где-то далеко хлопнула дверь. Кто-то на улице засмеялся.

Мир продолжал жить так, будто ничего не произошло. И только здесь, в маленьком кабинете номер три, законы природы только что незаметно для всех отменили.

Логичная мысль посетила его моментально: «Ты переработал, Орлов. У тебя синдром выгорания. Галлюцинации. Надо просто выспаться. Завтра придёшь, а тут будет обычный кот с обычной болячкой...»

Он потянулся к карману халата за телефоном, чтобы загуглить симптомы профессионального помешательства. Его пальцы наткнулись в кармане на холодный металл.

Это был забытый неказистый колокольчик. Старый, медный, с потёртым узором, который неделю назад какая-то старушка-клиентка вручила ему «на счастье» после того, как он выходил её попутая.

«Возьми, милоч, пригодится. Отведёт беду от порога», — приговаривала она, протягивая подарок.

Он уже собирался закинуть его в дальний угол шкафа, как в голову вдруг отчётливо пришла мысль, яркая и чуждая, как вспышка:

«Польни. Соль. Свяжи.»

Кирилл медленно оглянулся. Кабинет был пуст. Он даже зачем-то заглянул под стол. Потом подошёл к двери. Отпер ключом и резко открыл её.

Пустой коридор. Марина уже ушла.

Он закрыл дверь.

Запер её ещё раз.

Медленно прислонился спиной.

— Нет... Только не это...

Он слишком хорошо знал, что слышать чужие голоса — очень плохой симптом. Но ещё лучше он понимал другое.

Страшным было не то, что он услышал голос.

Страшным было то, что он сразу понял, что нужно делать.

Так, словно кто-то не подсказал ему, а просто снял давно забытый замок с памяти.

И это было не его.

Это было так же явно, как если бы кто-то прошептал на ухо.

— Вот чёрт... — тихо выругался Кирилл, уставившись на собственную руку с колокольчиком.

— Теперь ещё и голоса.

Но делать было нечего. Кот слабел на глазах, его дыхание становилось поверхностным. Логика и наука пали в неравном бою. Осталась только отчаянная, безумная надежда.

— Ладно, — проворчал он, направляясь к аптечкам.

Польни в клинике, разумеется, не оказалось. Зато была аптечная ромашка — родственница полыни. Кирилл прекрасно понимал, что делает глупость. Но после всего увиденного слово «невозможно» уже перестало что-либо значить.

— Соль... морская, для аквариумов, есть. Свяжи... бинтом свяжу, куда денусь.

С насмешкой над самим собой он приготовил кашницу из ромашки и соли, намазал её на марлю и, зажмурившись, подумал:

«Господи... что я вообще сейчас делаю?»

Приложил её к ране.

Марля нагрелась у него в руках. Не обожгла. Просто стала тёплой.

Затем послышалось негромкое потрескивание, похожее на звук льда, который впервые за долгую зиму начинает таять.

Белёсый иней исчез. Морозный пар растаял в воздухе.

Кирилл осторожно снял повязку.

Царапины больше не кровоточили. Края ран уже сомкнулись, словно после нескольких дней нормального заживления.

Он несколько секунд не двигался и даже не смотрел на кота. Кирилл смотрел исключительно на собственные руки. Те самые руки, которыми каждый день ставил диагнозы, зашивал раны и спасал животных. Ничего в них не изменилось.

Ни света.

Ни свечения.

Ни таинственных символов.

Обычные человеческие руки.

Только что сделавшие невозможное.

Он медленно сжал пальцы. Потом разжал. Никаких изменений.

Если не считать того, что несколько секунд назад они нарушили все известные ему законы биологии.

Кот потянулся — лениво и блаженно — и издал довольное урчание, которое прозвучало как маленький моторчик.

Затем он открыл глаза и уставился на Кирилла своим изумрудным взглядом.

В этом взгляде не было благодарности.

Был интерес.

Как у учёного, который наконец-то нашёл перспективный образец.

Будто кот сделал какую-то важную пометку исключительно для себя о результате неведомой проверки. И результат этой проверки его полностью устроил.

Кирилл поймал себя на совершенно абсурдной мысли.

За всю свою практику он сотни раз испытывал облегчение после удачной операции или тяжёлого дежурства.

Но сейчас чувство было другим. Будто облегчение испытал не только он. Словно сама комната наконец позволила себе выдохнуть.

Кирилл опустился на стул.

Руки дрожали.

— Ну вот, — прошептал он. — Поздравляю себя. Ты не только ветеринар, но и знахарь-целитель. Теперь можно и на шабаш собираться. Главное — не перепутать шприцы с метлами.

Он понимал, что не может отпустить этого кота.

Не теперь.

Решил отправить сообщение Марине, чтобы купила на всякий случай полыни.

Он уже потянулся к телефону.

Потом передумал.

Объяснить произошедшее Марине он всё равно не смог бы. А врать сейчас не хотелось.

Тишину в клинике нарушали только гул холодильника и ровное дыхание пациента под седьмым номером.

Мысли путались, и Кирилл инстинктивно потянулся к чайнику.

Может, глоток горячего чая поможет расставить всё по местам и осмыслить этот странный вечер.

Кот, свернувшись калачиком на смотровом столе, наблюдал за ним с немим укором аристократа, вынужденного ночевать в сарае.

— Что смотришь? — проворчал Кирилл, включая электрический чайник.

— Кто же ты такой и из каких далей пришёл?

Кот не отвечал, а лишь благосклонно прищурился, затем медленно моргнул.

И Кириллу вдруг показалось, что ответ уже существует.

Просто задавать такие вопросы он начал слишком рано.

Чайник зашумел, нарушая звенящую тишину. Кирилл заварил пакетик дешёвого чая — на роскоши он сегодня явно сэкономил. Он пытался вернуть себе ощущение нормальности, зацепиться за привычные ритуалы. Но обыденность трещала по швам.

Он достал телефон. Поисковый запрос «кошачьи царапины + обморожение + аномалия» выдал кучу форумов всяких сумасшедших и рекламу гомеопатических средств. Запрос «что делать, если обрабатываешь рану, а она шипит и замораживает вату» вообще ничего не выдал. Гугл явно сдался.

— Ладно, — Кирилл вслух обратился к коту. — Варианта два. Первый: я сошёл с ума. Это хоть и обидно, но поправимо. Курс таблеток, отдых в санатории с хорошим названием вроде «Сосновый Бор» — и я снова буду отличать кота от телепортационного устройства.

Кот лениво повёл ухом.

— Вариант второй: ты и вправду... нечто. И тогда, — он тяжело вздохнул, — тогда всё гораздо, гораздо хуже. Потому что это значит, что законы физики написали заявление об уходе, а на их место взяли какого-то небрежного стажёра с богатой фантазией.

Кирилл машинально сделал глоток чая и только поморщился. Он даже не понял, почувствовал ли вкус. В голове вертелась одна мысль. Мысль, от которой стыла кровь. Он спас кота. Не наукой, не медициной. Чем-то другим. Чем-то, во что он не верил. И это сработало.

Кирилл взглянул на кота. Тот уже не выглядел больным. Дышал ровно, спокойно, словно ничего необычного за последний час не произошло.

— Ну и кто ты такой?.. — ещё раз тихо спросил Кирилл.

Ответа он, разумеется, не ждал. Кот продолжил смотреть. Затем медленно, томно зевнул, демонстрируя ряд острых белых зубов и розовое нёбо.

— Ну конечно, — фыркнул Кирилл. — А чего я ожидал?..

Именно в этот момент на столе тихо звякнул забытый колокольчик.

Тихий, едва слышный, чистый звук. Сам по себе. Безо всякой причины.

Кот, который ещё секунду назад спокойно лежал, вдруг насторожился. Его уши резко прижались к голове. Зрачки расширились, превратив зелёные глаза в две почти чёрные бездны.

Он медленно поднялся.

Не обращая на Кирилла никакого внимания, прыгнул на пол и уверенной, почти бесшумной походкой направился к двери процедурной.

— Эй... Ты куда?

Кот не обернулся.

У самой двери он остановился. Шерсть вдоль позвоночника медленно поднялась дыбом. Хвост стал толстым, словно бутылочный ёршик. Из его груди вырвалось низкое, глухое рычание — совсем не кошачье.

В этот самый миг колокольчик зазвенел снова. Кирилл замер. Воздух в комнате стал густым и тяжёлым. Звон повторился. И ещё. Непрерывно, настойчиво, словно кто-то невидимый торопил его.

И тут Кирилл почувствовал это. Холод. Тот самый, неестественный холод, что шёл от кота. Только теперь он исходил от двери процедурной.

Колокольчик заливался трелью, почти вибрируя на столе.

— Тихо! — шикнул на него Кирилл, хотя это было абсурдно.

Он сделал шаг к процедурной. Дверь была приоткрыта. Из щели лился синеватый, мерцающий свет. Не электрический. Другой.

Сердце заколотилось где-то в горле. Рука сама потянулась к УФ-лампе, валявшейся на подзарядке у стены, — длинному, тяжёлому предмету, похожему на световой меч для бедных.

— Ну вот, — прошептал он сам себе. — Пошёл проверять гипотезу. Довыёживался, Орлов.

Он толкнул дверь ногой.

В процедурной было холодно, как в холодильной камере.

Кот пробежал к центру процедурной, не сводя взгляда с зеркала на стене. Его тело было напряжено, как натянутая струна. Холод тянул именно от стены с зеркалом.

Зеркальная поверхность не отражала комнату.

Несколько секунд Кирилл ещё пытался убедить себя, что дело в освещении. Потом понял. Он вообще не видел себя. Вместо кабинета по ту сторону стекла клубился серый туман.

По внутренней стороне стекла медленно поползли капли. Они не стекали вниз. Они поднимались вверх. Против силы тяжести.

Затем поверхность стала мутной, тёмной, и по ней расходились круги, словно по глади пруда. А из глубины этого пруда медленно и неотвратно всплывало лицо.

Измождённое, морщинистое, цвета земли. С запавшим беззубым ртом и глазами-щёлочками, в которых горели крошечные угольки ненависти. Из зеркала на Кирилла дуло ледяное, затхлое дыхание болота.

«Моё... — просипел беззвучный голос прямо в его мозг. *Отдай... моё...*»

Кирилл отшатнулся, ударившись спиной о дверной косяк. Он чувствовал, как волосы на руках поднимаются от ужаса и холода. Это было не похоже на галлюцинацию. Это пахло тлением и смертью.

Первой появилась кисть. Длинные пальцы медленно легли на край зеркала. Затем что-то начало выбираться наружу. Из зеркала медленно выплывала худая, костлявая рука с длинными, скрюченными ногтями. Она тянулась к коту.

Кот встал, выгнул спину. Его показная лень исчезла. Он ошетинился, и из его горла вырвалось низкое, не кошачье, а какое-то древнее, яростное урчание-предупреждение.

Колокольчик в ординаторской заливался истеричной, предупредительной трелью.

«Отойди, мальчишка... Не твоё... дело...» — шипел голос в голове, и Кириллу стало физически плохо от его прикосновения.

Но вид кота — этого наглого, надменного, но теперь такого уязвимого существа, которого он только что спас, — вызвал неожиданную реакцию. Не героизм. Нет. Злость. Бешеную, животную злость на эту... эту несправедливость. Он только потратил кучу нервов, ромашку и соль, чтобы его выходить, а тут является какая-то тварь из зеркала и хочет всё испортить!

— Нет! — хрипло крикнул он, и его голос прозвучал чужим. — Это мой пациент! Вы не имеете права! Заполняйте договор на оказание услуг!

Это была абсолютно клиническая фраза, вылетевшая на автомате от ужаса.

Рука из зеркала уже была на полпути. Её пальцы вот-вот должны были вцепиться в шерсть кота.

И тут Кирилл, не думая, нажал на кнопку на ручке УФ-лампы.

Яркий, фиолетовый, почти невидимый сноп света ударил прямо в центр зеркала, в то самое лицо.

Мир взорвался болью.

Вопля он не услышал.

Он почувствовал его внутри собственной головы. Это был оглушительный, беззвучный вопль в сознании, от которого Кирилла бросило назад.

Лицо в зеркале исказилось в гримасе боли и ярости. Рука дёрнулась и начала медленно, словно против воли, уходить обратно вглубь.

По зеркалу мгновенно побежали трещины. Они расходились не от края. Они расползались из самой глубины зеркала, будто ломалось не стекло, а то, что скрывалось за ним.

Ещё секунда — и стекло помутнело окончательно, а затем изображение просто погасло, как экран старого телевизора.

Тишина.

Всё исчезло.

Осталось только обычное зеркало, но всё в трещинах. Обычная процедурная. Обычная ультрафиолетовая лампа в дрожащих руках.

Только сердце колотилось так, будто пыталось вырваться наружу.

Холод начал рассеиваться.

На полу кот, перестав шипеть, сел и начал вылизывать лапу с видом полного безразличия, словно только что отогнал назойливую муху, а не потустороннее чудовище.

Кирилл тоже медленно опустился на пол, прислонившись к стене. Он смотрел на треснувшее зеркало, на лампу, на кота.

— Вот... вот блин, — выдохнул он, и это было единственное, что он смог выдавить из себя.

Он только что световой пушкой отбил атаку существа из потустороннего измерения. И это сработало.

Безумие окончательно победило. Но странным образом он чувствовал себя не побеждённым, а... победителем.

Он не знал, сколько просидел так на холодном кафельном полу, прижимая к груди УФ-лампу, как ребёнок плюшевого мишку. Адреналин отступал, оставляя после себя дрожь в коленях и абсолютную, оглушающую пустоту в голове. Мысли отказывались складываться во что-то осмысленное.

Первым нарушил тишину кот. Лёгкой, кошачьей походкой он подошёл к Кириллу и ткнулся мокрым носом в его руку. Не требовательно, а скорее... констатируя факт. Я тут. Ты тут. Всё в порядке.

— Ага, — сипло произнёс Кирилл, глядя на него. — В порядке. Щас. Только что бабуля-призрак из зеркала пыталась тебя утащить в адские дали, а я отбил её лампой от лишая. Самая обычная четверговая вечеринка.

Он поднялся, пошатываясь. Ноги плохо слушались. Осторожно коснулся трещин. Обычное холодное стекло. Он постучал по нему костяшкой пальца. Звук был самый обычный.

— Замечательно... — устало пробормотал он. — Значит, завтра мне никто не поверит.

Он обернулся. Кот наблюдал за ним. Спокойно. Внимательно. И совершенно без страха.

— Всё... — Кирилл тяжело выдохнул. — На сегодня экспериментов достаточно.

Колокольчик в соседней комнате наконец замолк.

Кирилл глубоко вздохнул и обратился к коту:

— Ну что, пациент номер семь? Переезжаешь ко мне домой. Похоже, ты моя проблема теперь.

Мысль отдать кота той девушке даже не возникла. Во-первых, это было бы непрофессионально — не вылечил до конца. Во-вторых, ... а вдруг эта тварь из зеркала к ней явится? Нет уж. Он, как тот мальчик из мультика, который запустил в дом динозавра, теперь отвечал за того, кого приручил. Или кто его приручил. До конца было не ясно.

Ехать домой сил не было.

Утром Марина застала его спящим прямо в кресле. На столе стояла пустая кружка. Рядом лежала УФ-лампа.

А зеркало... Зеркало было полностью покрыто сетью трещин.

Она молча посмотрела сначала на зеркало, потом на врача.

— Тяжёлая ночь?

— Ты даже не представляешь насколько, — Кирилл медленно открыл глаза.

Он сел, машинально растёр лицо.

— И вообще, отмени все приёмы на сегодня, что-то я себя плохо ощущаю в пространстве. Всё... выписываю себе больничный.

— Заболели? — участливо спросила Марина.

— Очень хочется ответить «да». — Он посмотрел на неё долгим взглядом.

Марина вопросительно подняла бровь, но ничего не сказала.

— Кота забираю. На... дальнейшее наблюдение, — подытожил Кирилл.

— Надолго?

— Пока не разберусь.

— Это... тоже кот сделал? — Она снова посмотрела на зеркало.

Кирилл перевёл взгляд на трещины.

— Хотелось бы верить.

— Слушай, Марина, — сказал он после паузы, — я сейчас исчезну. Ты никому не говори, что застала меня здесь. Я вроде как ещё не приезжал на работу. Я придумаю отмазку и сам позвоню Анне. Прикроешь?

Анной они между собой называли заведующую клиникой — Анну Викторовну.

— Давайте, Кирилл Игнатьевич, поезжайте, отлежитесь, вид у вас действительно такой... замученный. Прикрою, куда я денусь. — вздохнув, ответила Марина.

А потом добавила:

— Всё равно Анна вам за косяк посчитает сегодняшнее отсутствие. Проблем не боитесь?

— Разберёмся, — односложно ответил Кирилл и, оглядываясь, готовый моментально спрятаться от глаз коллег, вышел из кабинета, унося переноску с котом, и буквально прокрался к выходу.

В коридорах клиники он никого не встретил. Было достаточно рано, и Марина, неизвестно по какой сложившейся традиции, пришла на работу первой.

Дорога домой прошла в молчании. В машине кот стал проявлять недовольство нахождением в переноске, и Кирилл, повинувшись какому-то новому чувству, выпустил его в салон.

Он вёл машину автоматически. Светофоры. Пешеходы. Автобусы. Реклама. Обычный майский день.

Только он уже перестал быть обычным.

Кот спокойно сидел на соседнем сиденье, как обычный пассажир, и смотрел на улицы Перми так, словно уже бывал здесь тысячи раз. Или наоборот. Будто видел всё это впервые. Кирилл несколько раз ловил себя на том, что украдкой посматривает на него. Каждый раз кот продолжал смотреть наружу. Словно прекрасно понимал, что за ним наблюдают.

Кирилл нервно постукивал пальцами по рулю. В голове крутился миллион вопросов. Кто была эта старуха? Почему она пришла именно через зеркало? Что за колокольчик? И главное — что делать дальше? Гуглить «как починить пространственно-временной континуум»?

Он загнал машину на парковку у своего дома, выключил зажигание и сидел, откинувшись на подголовник, прислушиваясь к тишине.

Вдруг кот повернул к нему свою морду с изумрудными глазами.

И тут в голове Кирилла ясно и отчётливо прозвучал голос. Не его собственный. Чужой. Строгий, с лёгкой хрипотцой и нескрываемым гонором.

«Любопытно... Похоже, судьба нынче решила пошутить. Что ж, двуногий, будем считать, что тебе необыкновенно повезло. Отныне ты отвечаешь за мой комфорт. Начнём с чего-нибудь простого. Покорми меня. И очень прошу — не вздумай наливать холодное молоко. Я достаточно настрадался за вчерашний вечер.»

Кирилл дёрнулся так, что ударился головой о подголовник. Он уставился на кота. Тот смотрел на него, медленно моргая. Его пасть оставалась закрытой.

— Это... это ты? — прошептал Кирилл, чувствуя, как у него холодеют кончики пальцев.

Кот лишь презрительно фыркнул, вот только услышал Кирилл это фыркание у себя в голове. Затем кот, как ни в чём не бывало, принялся вылизываться, демонстративно отвернувшись.

Сердце бешено колотилось. Это не галлюцинация. Это было слишком явно. Слишком реально.

Он автоматически потянулся за ключами, пытаясь достать их из замка зажигания. Его рука дрожала. Он смотрел прямо перед собой: на уютный подъезд своего дома, на маму с коляской, на парня, выгуливающего собаку... на совершенно обычный мир.

А потом он перевёл взгляд на кота.

Кирилл сидел и не мог пошевелиться, осознавая четыре простые и ужасные вещи.

Первое. Он не сошёл с ума. Всё это — чистая правда.

Второе. Его новый питомец не только разговаривает у него в голове, но и, судя по всему, считает, что это Кириллу повезло с ним, а ещё он с претензиями к качеству обслуживания.

Третье. Где-то в городе есть ведьма, которая явно не остановится после одной неудачи.

И четвёртое. У него в кармане лежит артефакт, о котором он ничего не знает.

Кирилл вдруг понял странную вещь. За последние двенадцать часов он почти перестал удивляться.

Телепатический кот?

Ладно.

Колокольчик?

Пусть.

Ведьма?

Почему бы и нет.

Самым страшным оказалось вовсе не существование невозможного. Самым страшным было то, как быстро человек способен привыкнуть к невозможному.

«Хорошо, — подумал Кирилл с горькой иронией, глядя на свою новую жизнь, припаркованную рядом с ним. — По крайней мере, скучно не будет.»

Теперь самое время было выяснить всё про кота.

— Тебя как звать? — с надеждой на ответ спросил он.

Надежда его не обманула.

«Называй Никлаус.»

— А зачем ты понадобился этой старой карге? — задал он второй вопрос. — Почему она тебя хотела забрать?

Никлаус лениво открыл один глаз.

«Отличный вопрос. Жаль, у меня нет на него ответа.»

— Что значит «нет ответа»?

«Абсолютно ничего не помню. Ни о какой ведьме, ни о том, как оказался в переноске. Мои воспоминания начинаются с того момента, как ты, прямоходящий, тыкал в меня термометром. Всё, что было до, — густой, непроглядный туман. Очень удобно, не находишь? Как чистый лист.»

— То есть у тебя амнезия? — недоверчиво переспросил Кирилл.

«Назови это как хочешь. Возможно, я настолько стар, что моя оперативная память переполнена. Или меня... отформатировали. В любом случае, моё прошлое — это твоя головная боль. Раз уж ты меня приютил. Поздравляю.»

Кирилл ещё несколько секунд смотрел в лобовое стекло. Люди куда-то спешили. Проехала «газелька» с рекламой на борту. Мир продолжал жить так, словно ничего не произошло.

Только для него всё уже закончилось.

И одновременно — только начиналось.

Кирилл глубоко вздохнул и вновь потянулся к замку зажигания.

— Ладно, поехали, ваше высокомерие. Молоко, говоришь? Тёплое? Сейчас купим... целую канистру.

В ответ в его голове прозвучало довольное, бархатное мурлыканье.

Глава 2. Соседский домовой

Машина, старенькая японская иномарка, отъездившая уже лет пять назад своё последнее лето, лениво урчала на парковке. Кирилл раздумывал, стоит ли поехать за молоком на рынок или будет достаточно «Пятёрочки». При этом он пытался выдавить из себя последние силы. В салоне слегка пахло каким-то пластиком после химчистки и теперь ещё — немым кошачьим презрением.

«Ты собираешься тронуться с места до следующего полудня, или мы будем ждать, пока железный конь обрастёт мхом?» — мысль, чужая и чёткая, как удар шариковой ручкой по лбу, пронзила его сознание.

— Да еду я, еду, — буркнул он вслух, озираясь: не видел ли кто, как он разговаривает с пустым пассажирским сиденьем. — Пристегнись, кстати.

«Пристегнись, — с издёвкой повторил голос в голове. — При твоей скорости опасность представляет разве что собственная нерешительность. А ещё у тебя в машине отвратительно пахнет этим химическим освежителем.»

— Это пахнет чистой, Никлаус. Чистотой и... надеждой, — высокопарно в тон ему ответил Кирилл, вырulingая со стоянки. Он принял решение.

Супермаркет «Пятёрочка» встретил их ярким светом и душераздирающими звуками поп-музыки. Кирилл сунул переноску с котом, который без возражений переместился в неё для похода в магазин, в тележку и двинулся вдоль рядов, чувствуя себя абсолютным идиотом.

Никлаус выглядывал наружу сквозь прорези переноски с тем достоинством, с каким римский сенатор, вероятно, переносил бы временное заключение, будучи совершенно уверенным, что это досадное недоразумение скоро закончится.

У стойки с кормом для домашних питомцев Кирилл притормозил и стал складывать в тележку яркие глянцевые пакетики.

«Стой. Это что?»

— Это, Никлаус, корм. Сухой. С витаминами. Для блестящей шерсти.

«Выглядит как опилки, пропитанные запахом старой тухлятины. Проезжаем.»

— А как тебе это? Влажный. Паштет «Нежнейший». С кроликом.

«Если это кролик, значит, я — пекинес. Воняет химией. Дальше.»

Так они проехали весь стеллаж с зоотоварами. Тележка была пуста. Кирилл уже мысленно попрощался со своей репутацией в глазах одинокой пенсионерки за кассой, которая пялилась на него с момента входа.

«Хватит этого издевательства, — прозвучал в голове вердикт. — В отделе мясо. Сырая курица. Одна тушка.»

— А печень? — поинтересовался Кирилл.

«Хорошая — вещь достойная.»

— Сердечки?

«Если приготовлены правильно.»

— Индейка?

«Допустимо.»

— Рыба?

Наступила пауза.

«Люди почему-то убеждены, что коты обязаны любить рыбу. Это одна из самых загадочных ваших коллективных галлюцинаций. Не забудь и про молоко. Не пастеризованное, из под коровы, а не эта... мёртвая белая жидкость в пакетах.»

— В Перми-то? — Кирилл вздохнул, направляясь к молочному ряду.

Там хотелки кота повторились.

«Не подойдёт. Я не чувствую энергию жизни в содержимом. И в этом пакете её нет. Ищи дальше.»

В итоге на кассу легли охлаждённая курица и пакет самого дорогого фермерского молока, которое Кирилл с трудом отыскал в глубине холодильника, а также продукты, которые он взял для себя. Процесс оплаты был самым что ни на есть унижительным: кот принялся мысленно комментировать каждую покупку.

«Пельмени? Серьёзно? Ты же ветеринар, ты должен понимать, что это...»

А Кирилл, пытаясь сделать вид, что говорит, используя наушники и гарнитуру, бормотал в пустоту:

— Да-да, понимаю... Нет, я не буду брать эти сосиски... Потому что они... энергетически не сбалансированы.

Но пельмени он всё же взял — несмотря на явный негатив Никлауса.

Кассирша на мгновение задержала на нём взгляд, полный профессионального безразличия, и пробила товары.

Обратная дорога прошла в молчании, если не считать мысленного кошачьего храпа, полного удовлетворения. Кирилл загнал машину обратно к подъезду, взял переноску в одну руку, пакет — в другую и потянулся к домофону.

В подъезде Кирилл зашёл в кабину лифта и привычно нажал кнопку восьмого этажа.

Лифт с лёгким скрипом пополз вверх, увозя их в новую, странную и пахнущую сырой курицей жизнь, и с тихим щелчком остановился на восьмом.

Дверь в квартиру Кирилл открыл с тем чувством облегчения, с каким заплывший на глубину пловец добирается до спасительного берега. Он занёс переноску внутрь, отстегнул дверцу и выпустил кота.

Никлаус выскользнул наружу с видом критика, впервые попавшего в провинциальный театр.

Вначале он не стал осматривать квартиру. Он тщательно принюхался. Медленно, с закрытыми глазами, втянул воздух, словно дегустируя дорогое вино. Затем недовольно дёрнул ухом.

— Что ещё? — устало спросил Кирилл.

«Запахов слишком много. Пластик. Моющие средства. Кофе. Человеческая усталость. И...»

Кот вдруг повернул голову в сторону стены, за которой находилась соседняя квартира.

«...ещё кто-то наблюдает.»

— Сосед?

«Нет. Не человек.»

Через секунду Никлаус уже равнодушно отвернулся.

«Впрочем, неважно. Пока не важно...»

Он обошёл всю студию по периметру — неспешно, изучающе. Его изумрудный взгляд скользнул по шкафу-купе, задержался на телевизионной панели, смерил презрением диван — он же кровать — и наконец устоялся в кухонный уголок со скромным столом, тремя стульями и электрической плитой. Кухня в этой квартире-студии не была предусмотрена. Однако этот угол Кирилл по привычке упрямо именовал «кухней».

«Убого, — прозвучал вердикт в голове Кирилла. — Но... функционально. Вид приемлемый. Воздух не застоявшийся. На троечку с минусом.»

Никлаус ещё несколько секунд стоял неподвижно, словно прислушиваясь не к звукам, а к чему-то гораздо более глубокому.

«Дом молодой. Ещё не привык к тебе. Стены пока молчат. Это хорошо.»

— Стены... что?

«Потом объясню.»

— Спасибо, что не снесло меня с ног от твоего восторга, — проворчал Кирилл, относя на кухню пакет с курицей, пельменями и молоком. Аппетита у него не было вовсе, лишь свинцовая усталость во всех конечностях.

Кирилл поставил пакет с курицей и молоком на стол, пельмени отправились в холодильник. Затем он потянулся за телефоном, чтобы отправить Марине сообщение, что жив-здоров. И тут его осенило.

Он достал телефон.

На экране мигали два пропущенных вызова от Марины.

— Чёрт! — вырвалось у него вслух. — Вот теперь точно началось...

Он совсем забыл, что нужно было предупредить руководство. Он не просто ушёл — он фактически самовольно покинул рабочее место перед самым началом рабочего дня.

«Что-то случилось?» — лениво поинтересовался Никлаус, устраиваясь на стуле и наблюдая за его паникой.

— Сейчас случится, если я не найду, что сказать, — проворчал Кирилл, лихорадочно соображая.

Врать про болезнь не хотелось — могли попросить справку. Нужно было придумать что-то серьёзное и неотложное. Его взгляд упал на ключи от машины.

Он быстро набрал на экране сообщение Марине: «Виноват. Забыл. Дома. Исправляюсь.» и, не дожидаясь ответа, набрал номер начальницы — Анны Викторовны, женщины строгой, но справедливой.

— Анна Викторовна, добрый день, это Орлов, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал устало и озабоченно. — Извините за беспокойство. У меня тут... форс-мажор. Только что отгонял машину в сервис, на выезде с парковки её чуть не раздавил грузовик с каким-то хламом. Вмятина на всю дверь, стекло треснуло. Гаишники оформляют, нужно ехать в страховую, на экспертизу... — Он сделал паузу, изображая подавленность. — Сегодня я, к сожалению, никак не успею на работу. Это моя вина, я понимаю. Обещаю, все часы отработаю в свои выходные. Любые дежурства.

Из трубки послышался вздох.

— Орлов, ну вот как так... Ладно, ничего не поделаешь. Оформляй. Подозрительно, конечно, что это у тебя произошло в пятницу. Но поверю, так и быть. Только чтобы в понедельник как штык на работе... И чтобы отработал. Всё.

— Конечно, Анна Викторовна! Спасибо вам огромное! — Кирилл почти физически ощутил, как с его плеч сваливается гиря.

Он положил трубку и облегчённо выдохнул.

Вновь набрал сообщение Марине: «Уладил. Всё нормально. Спасибо».

Тут же получил ответ: «Пожалуйста».

Кирилл ещё несколько секунд держал телефон в руке, словно разговор не закончился. Лгать он не любил. За всю жизнь ему это приходилось делать нечасто, и каждый раз внутри оставался неприятный осадок. Но сейчас выбирать было не из чего. Попробуй объясни начальнице, что ты не вышел на работу, потому что ночью отбивался ультрафиолетовой лампой от ведьмы, а теперь живёшь с телепатическим котом. Иногда ложь оказывается единственным способом не выглядеть сумасшедшим.

«Ловко, — прозвучал в голове одобрительный комментарий. — *Соврал так, что даже нос не дёрнулся. Напускная искренность — твой конёк, прямоходящий.*»

— А ты помалкивай, соучастник, — отозвался Кирилл, но уже с облегчением. — Теперь я официально жертва дорожной войны. Можешь меня пожалеть.

«*Пожалею... возможно... когда-нибудь... наверно... Пока что я вижу лишь голую ложь и потрясающую способность к импровизации.*»

Кирилл машинально выглянул в окно. Его старенькая «Тойота» мирно стояла на парковке совершенно целая.

— Извини, старушка, — тихо сказал он машине. — Никогда не думал, что однажды оклеветашу тебя ради телепатического кота.

«Не переживай, — лениво заметил Никлаус. — Люди вообще любят обвинять тех, кто не может возразить.»

Кризис с работой был устранён. Теперь можно было со спокойной душой заняться приготовлением завтрака для заносчивого квартиранта. Кирилл расстелил на полу у балкона старую газету, положил на неё куриную ножку и налил в пластиковую пиалу молока.

«Что это, простите, такое?» — в голове прозвучал ледяной, полный презрения мысленный голос.

Кирилл обернулся. Никлаус сидел на полу и смотрел на это «пиршество» так, будто ему предложили доесть объедки из мусорного бака.

— Это твой обед. Курица. Молоко. Всё, как ты просил.

Никлаус несколько секунд молча смотрел не на курицу, а именно на газету. Затем перевёл взгляд на Кирилла так, словно пытался понять, действительно ли тот настолько дикарь или просто происходит какое-то странное человеческое испытание.

«Я просил пищу. Мне подали... подачку. На газетке. Ещё рядом мусорное ведро поставь. Это унижительно.»

— Ты же кот. Коты с пола едят. Им всё равно.

«Мне — не всё равно. Я не какой-нибудь дворовый обтрёпшиш. Я требую сервировки. Тарелка. Желательно, керамическая или фарфоровая. Красивая.»

Никлаус произнёс это с такой убеждённой, будто речь шла не о посуде, а о восстановлении попорченного мирового порядка.

Кирилл молча посмотрел сначала на кота, потом на свою квартиру площадью двадцать семь квадратных метров.

— Послушай... у меня даже гости иногда едят стоя.

«Я заметил, » — не преминул съязвить Никлаус.

Кирилл закатил глаза.

— Во-первых, у меня нет отдельных тарелок для котов. Во-вторых, ты всё равно вытаскишь мясо из тарелки на пол, чтобы его есть. Так зачем лишнюю посуду пачкать?

«Ваши дикие предположения о моих манерах меня оскорбляют. Я буду есть аккуратно. Как цивилизованное существо.»

— Да? А как же твои предки? Инстинкты? «Поймал — подержал — потаскал — съел»?

«Мои предки пили нектар из золотых чаш у фараонов! А не жевали курицу на газете с кроссвордом.»

Потом он задумчиво добавил:

«Хотя... если честно, египтяне готовили отвратительно.»

Кирилл вздохнул. Спорить с телепатическим котом было утомительнее, чем с самыми капризными клиентами.

— Слушай, вот тебе ультиматум. Или ешь с газеты, как все порядочные коты в этой стране, или остаёшься голодным. И нектара фараонского у меня тоже нет.

Никлаус издал нечто среднее между фырканьем и возмущённым шипением. Он демонстративно отвернулся от газеты и принялся вылизывать лапу, делая вид, что его это не интересует.

Минуту длилось напряжённое молчание. Затем Кирилл услышал тихое ворчание.

«...Ладно уже. Совсем не уважают. Но в последний раз.»

Кирилл ухмыльнулся про себя. Победа. Он повернулся к плите, чтобы подогреть себе чай.

Через секунду сзади послышался довольный чавкающий звук.

Кирилл специально не стал оборачиваться сразу. Досчитал до пяти. До десяти. Потом всё-таки не выдержал.

Конечно.

Курица уже лежала не на газете, а аккуратно рядом с ней.

— Я же говорил...

«Это исключительно ради удобства разделки», — немедленно последовал мысленный ответ.

Никлаус, не меняя надменного выражения, с аристократической медлительностью уперт лат куриную ножку, словно делал одолжение этому миру и лично Кириллу.

«В следующий раз — тарелка», — донёсся до него полный обиды мысленный комментарий.

— В следующий раз будешь есть с пола, как все, — буркнул Кирилл, но уже понимал, что это вряд ли. В действительности победой не пахло. Он прекрасно осознавал, что завтра поедет покупать этому наглому существу отдельную тарелку. Причём это придётся делать вместе с котом. С примеркой, так сказать, а то ещё и не одобрит, замаешься покупать новые.

И это было совершенно безальтернативным. Кирилл это осознал всеми мыслимыми глубинами своей души.

Никлаус аккуратно облизал усы и неожиданно произнёс уже без привычного высокомерия:

«Запомни одну вещь, прямоходящий. Существо можно узнать по тому, как оно ест. Но ещё лучше — по тому, как оно кормит других.»

Кирилл усмехнулся.

— И что ты обо мне понял?

Кот сделал вид, что вопрос его не заинтересовал.

«Пока собираю материал.»

Пока кот ел, Кирилл на автопилоте сделал себе два бутерброда с колбасой. Есть не хотелось, но надо было заставить себя. Он сел на один из стульев у стола и принялся жевать, запивая чаем, уставившись в одну точку на столешнице. Мысли были тягучими и медленными, как патока.

«Ты это... это употребляешь в пищу? — мысленный голос кота прозвучал с неподдельным интересом, прервав тишину. — Я видел состав. Целлюлоза, соя, крахмал, усилители вкуса... Это же яд замедленного действия.»

— Эта булка почти круассан, — безразлично ответил Кирилл, откусывая очередной кусок. — И колбаса «Докторская». Классика.

«Классика отравления, — парировал кот, вылизывая лапу. — Моя курица, при всей её простоте, хотя бы не претендует на звание мяса, будучи им на самом деле.»

Никлаус внимательно посмотрел на колбасу.

«Она даже пахнет квадратами.»

— Какими квадратами?

«Не знаю. Но пахнет именно ими.»

Кирилл не стал спорить. Закончив бутерброд и с трудом допив стакан чая, он поднялся, убрал остатки курицы в холодильник, помыл посуду. Действия были механическими. Единственной его целью теперь была горизонтальная плоскость.

Он прошёл в малюсенькую прихожую, скинул куртку на один из пяти крючков, пнул кроссовки в сторону подставки для обуви и, даже не взглянув в висевшее на стене зеркало, пошёл обратно.

Никлаус уже устроился на диване, свернувшись тёмным бархатистым клубком.

— Эй, это моё место, — сипло произнёс Кирилл.

Никлаус даже головы не поднял. Кот приоткрыл один глаз, лениво блеснув зелёным зрачком, и демонстративно перевернулся на другой бок.

Больше сил на споры не было. Кирилл рухнул на диван лицом в прохладную ткань простыни. Он лишь успел почувствовать, как лёгкое тело кота перестроилось у него в ногах, издав довольное тихое урчание, похожее на отдалённый гул электромотора.

Внезапно до него дошло, что впервые за последние часы ничего не происходило. Никто не ломился из зеркала. Колокольчик и телефон молчали. Мир словно решил дать передышку. Только рядом урчал невозможный кот.

И именно это вдруг показалось удивительно нормальным.

А потом его накрыло. Сон пришёл мгновенно, тяжёлый, без сновидений, как забвение. В тихой студии было слышно лишь ровное, чуть затруднённое дыхание человека и тихое мурлыканье существа, которое, кажется, наконец-то чувствовало себя как дома.

Проснулся он не сразу. Сначала ему показалось, что всё произошедшее ночью было тяжёлым сном. Ведьма. Зеркало. Колокольчик. Телепатия.

Потом кто-то очень методично похлопал его лапой по щеке.

Иллюзия закончилась.

Он открыл глаза, залитые ярким полуденным светом. Перед ним сидел Никлаус, его изумрудные глаза смотрели с немим укором.

«Ты наконец-то решил присоединиться к миру живых? — прозвучало в голове. — Я уже начал подумывать, не вызвать ли мне скорую. Или службу по утилизации биологических отходов.»

Кирилл поймал себя на странной мысли. Проснулся он не от кошмара. Не от холода. Не от ведьмы. А потому, что кот решил его разбудить. И почему-то именно это казалось самым ненормальным событием последних суток.

— Утро доброе и тебе, — хрипло буркнул Кирилл, с трудом отрываясь от подушки. В голове гудело, будто он сутки разгружал вагоны. Он потянулся к телефону на тумбочке. Обед. Чёрт. Он проспал полдня.

Желудок напомнил о себе требовательным урчанием. На этот раз аппетит был зверским. Кот, словно угадав его мысли, грациозно спрыгнул с дивана и направился к холодильнику, выразительно оглянувшись.

«Моё. И твоё. Не смешивать», — прозвучало со стороны кота.

— Спасибо, что хотя бы не пытаешься отобрать мои пельмени.

Никлаус поднял глаза.

«Я древнее существо. Даже у меня есть пределы жестокости.»

Кирилл достал курицу, отрезал её вторую ножку и положил на новую газету для Никлауса. Сам же направился к морозилке за спасительными пельменями.

«Опять эта мертвечина? — мысленно вздохнул кот, приступая к трапезе. — Ты, как специалист, должен понимать, что полуфабрикаты — это путь к дисбалансу микрофлоры кишечника, ожирению печени и...»

— Я как специалист заявляю: после всех стрессов, битвы с бабкой из зеркала и покупки фермерского молока в восемь утра... — Кирилл перевернул пакет, и заветные полукружия с шумом полетели в кипяток. — ...пельмени — это единственное, что удерживает меня от нервного срыва.

Пока варились пельмени, он налил себе чай и коту молока. Они завтракали молча, если не считать громких мысленных вздохов Никлауса по поводу «гастрономического варварства и отсутствия тарелки».

И тут Кирилла осенило. Хозяйка. Надо что-то решать с хозяйкой кота. Он не знал её номера. Сначала пришлось позвонить в клинику.

— Марина, привет ещё раз, это Кирилл. Слушай, у меня к тебе срочное дело. У меня тут... пациент с того вчерашнего вызова. Нужно связаться с хозяйкой, а я её контакты не записал. Поднимешь карточку?

Через минуту номер телефона девушки был у него. Кирилл глубоко вздохнул, собираясь с духом.

Он несколько раз набирал номер и сбрасывал вызов. Врать человеку, который доверил тебе своего питомца, было особенно мерзко. Но сказать правду значило отправить её прямиком в психиатрическую клинику. Затем он всё же решился и нажал вызов.

— Алло? Здравствуйте, это Кирилл Игнатьевич, ветеринар. Понимаете, ситуация... нестандартная. После осмотра мы выявили ряд симптомов, которые требуют более глубокого изучения. Поэтому животное было немедленно помещено в изолятор инфекционного отделения при Пермском государственном аграрно-технологическом университете. Я сам его окончил, у меня там есть коллеги. — Он специально так официально назвал учебное заведение, которое все в городе именовали просто «Сельхоз». Кроме того, Кирилл старался говорить максимально уверенно и заумно, сыпля терминами.

— Да, да, именно так. Подозреваем редкую, малоизученную и, что важно, высоко контагиозную инфекцию. Поэтому никаких свиданий, к сожалению, быть не может. Если у вас или у меня появятся какие-нибудь симптомы, возможен двухнедельный карантин. Да... Да, я понимаю... Обещаю, мы сделаем всё возможное. Как только что-то прояснится — сразу вам позвоню.

Он положил трубку, чувствуя себя последним подлецом. Но иного выхода не было.

«Ловко, — прозвучал в голове одобрительный, чуть насмешливый комментарий. — Высоко контагиозная инфекция. Мне это нравится. Звучит солидно. Почти как повелитель молний или пожиратель душ.»

— А ты помалкивай, носитель смертельного вируса, — отозвался Кирилл, доедая пельмени. — Теперь ты официально — биологическое оружие. Доволен?

«Признаю, твой умение лгать впечатляет. Для человека, конечно же.»

Кирилл взглянул на погасший экран телефона. Потом тихо сказал:

— Ненавижу врать.

«Неправда, — спокойно ответил Никлаус. — Ты ненавидишь, когда приходится врать хорошим людям.»

Кирилл фыркнул и принялся мыть посуду, оставляя за собой в паутине лжи хоть и тревожный, но уже более-менее оформленный новый статус-кво.

Вскоре посуда была вымыта. Наступила та самая, выстраданная пауза, когда делать было решительно нечего. Кирилл упал на диван, включил телевизор, бесцельно листая каналы. Никлаус устроился рядом, погрузившись в загадочный кошачий транс, изредка прерывая его, чтобы вылизываться с видом философа, размышляющего о бренности бытия.

Несколько минут они молча смотрели передачу про ремонт квартир. Потом Кирилл выключил звук. Ещё через минуту выключил и телевизор.

«И ты называешь это времяпровождением? — мысленно заметил кот, наблюдая, как на экране сменяются бессмысленные рекламные ролики. — Бесконечный поток примитивных сигналов, призванных заставить тебя купить ненужные вещи. Утомительно.»

— А что ты предлагаешь? Сыграть в шахматы? — огрызнулся Кирилл. Тишина в комнате стала гулкой.

Чтобы занять руки, Кирилл принялся бесцельно переставлять вещи на полках. Взгляд упал на альбом из детства, открытый на случайной странице. На фотографии — родной двор в Рабочем посёлке в Мотовилихе и он сам в песочнице. Нулевые годы.

«Рабочий посёлок в Перми — это не просто микрорайон. Это целая эпоха, застывшая в кирпиче и бетоне», — промелькнуло в голове заученное когда-то для экскурсии одноклассни-

кам. Уникальный памятник конструктивизма двадцатых годов, соцгород для рабочих Мотовилихинского завода с общими кухнями, яслями и громкими идеями о новом быте... Где-то там, в одной из таких «ячеек», и прошло его детство.

Взгляд сам собой переметнулся на другую полку, где стояла единственная рамка — фотография матери с отчимом. Они улыбались в объектив где-то на базе отдыха на Каме. Отчим, крепкий мужчина с обветренным лицом, держал руку на плече матери. Коммерсант, владелец собственного пункта приёма металлолома, он же помог и с первым взносом за эту студию. Помнились его слова, сказанные здесь, на этом самом пороге: *«Забудь про Рабочий посёлок, Кирилл. Теперь это твоё. Ипотека — это серьёзно. Это надёжно».*

Надёжно. Да. Как же. Теперь он надёжно должен банку на двадцать пять лет, а в его надёжной крепости живёт телепатический кот.

Иногда ему казалось, что квартира слишком тихая. Сегодня впервые тишины не было.

Мысль об отчине невольно потянула за собой воспоминания о его детях от первого брака — тех самых брате и сестре. Они встречались только по большим праздникам за общим столом. Разговоры не клеились. Сводные брат с сестрой казались выходцами из другой вселенной — мира «нормальной» семьи и общих воспоминаний, которых Кирилл никогда не знал. Сейчас они были для него просто чужими: приятными, но бесконечно далёкими людьми.

И тут его взгляд упал на пустую стену над телевизором. Все вещи были расставлены по местам, подобраны в едином, пусть и дешёвом, стиле. Но эта стена была пуста. Словно чего-то не хватало. Чего-то важного.

И в тишине студии, под мерный звук кошачьего дыхания, его вдруг накрыло острое, почти физическое ощущение этой потери. Он не просто не помнил отца. Он не помнил ничего. Ни его лица, ни голоса, ни одного совместного момента. Только пустоту и официальную справку: «Пропал без вести».

Отец исчез, когда ему было два года. Просто исчез. Просто взял и растворился в воздухе. Как утренний туман.

Самое странное рассказывала мать. Со временем исчезли все фотографии, где был отец. Даже свадебные. Когда именно — она так и не смогла понять.

Он вдруг поймал себя на простой мысли. Если бы отец сейчас вошёл в эту квартиру, Кирилл, наверное, даже не узнал бы его. Эта мысль оказалась неожиданно болезненнее всех воспоминаний.

Никлаус, словно уловив смену настроения, перестал вылизываться и внимательно посмотрел на него своими бездонными зелёными глазами. В комнате стало очень тихо.

Тишину разорвал резкий, неприятный щелчок. Свет на мгновение погас и тут же зажёгся снова. Кирилл вздрогнул. На роутере вспыхнул красный индикатор.

«Любопытно, — прозвучал в голове голос Никлауса. — Похоже, твоя надёжная крепость даёт сбой.»

— Наверное, скачок напряжения, — пробормотал Кирилл.

Но щелчки участились. Свет мигал. Ноутбук сам проснулся и начал открывать окна одно за другим. Из динамиков шипело.

«Это не скачок, — мысленно процедил Никлаус. — Чувствуешь? Воздух... вибрирует.»

Кирилл почувствовал. По коже побежали мурашки. Пахло озоном. Раздался звон — вилка упала на пол.

— Да что тут происходит?! — выругался он, посмотрев на то место, которое он называл про себя кухней.

И тогда он наконец увидел источник всего этого.

За столом сидело... существо. Ростом почти с Кирилла. На первый взгляд — обычный рыжий подросток лет шестнадцати. Но уже через секунду становилось ясно: человек так выглядеть не может. Глаза... они были явно нечеловеческими, лучше всего здесь подходило опреде-

ление «с подсветкой». Оно было рыжим, одетым в комбинезон, клетчатую рубашку, бейсболку козырьком назад и потрёпанные кроссовки с кривым логотипом, напоминающим «Найк». На существе был пояс с множеством кармашков и креплений для инструментов. В некоторых креплениях присутствовали причудливые инструменты. Его лицо было искажено паникой. В руках оно сжимало медный колокольчик.

— Эй! — крикнул Кирилл. — Это моё! Ты кто такой?!

Существо пискнуло, юркнуло под стол и по дороге зацепилось поясом за ножку стула.

— Ай!.. Да отвяжись же!

После чего существо вместе со стулом окончательно исчезло под столом.

«Домовой, — констатировал Никлаус. — *Но какой-то... низкоуровневый.*»

Кирилл несколько секунд молчал. Потом совершенно серьёзно спросил:

— У меня страховка квартиры домовых покрывает?

И сам себе ответил:

— Наверно нет, а жаль.

— Домовой? — растерянно повторил Кирилл, приседая.

— Эй, гость незванный! Выходи, давай поговорим. Как мужчина с женщиной. Или как мужик с... кем ты там есть.

Из-под стола донёсся писклявый, обиженный голос:

— Отстань! Убивать будешь!

Голос дрожал настолько искренне, что Кирилл неожиданно понял: существо под столом действительно смертельно перепугано.

Домовой продолжал:

— Я всё видел! Притащил древнего кота! Да ещё эта звякалка фонит на весь подъезд! И щитпостит всю! Старший меня живьём съест!

Кирилл обернулся, посмотрел на Никлауса, потом на колокольчик.

— Какая звякалка? А... колокольчик? Так он же... антистресс. Для медитации. Слушай, давай условимся. Выходи — и я уберу его в свинцовый короб. И кота... ну, с котом я пока не знаю, что делать.

— Врёшь! — заявил домовой. — Люди всегда врут! Сначала ипотеку берут, потом котов заводят, а потом вообще в дарк-ведьмаки подражаются! Я на смену год назад заступил, всё было чисто! А ты мне весь годовой отчёт по энергоповыплескам ухайдокал! Меня старший на ковёр вызовет! Спросит: «Мотя, ты за шмотками следил, за энергетикой!» А я ему что? Что у меня чел с артефактом аномальной мощности поселился? Он мне сразу: «Бан!» Или того хуже — на курсы повышения осознанности отправит!

Кирилл сел на диван, поражённый этим потоком сознания. Никлаус фыркнул.

«Мотя? — мысленно протянул кот. — *О, великий воин света и хранитель розеток! Трепещите, силы тьмы и скачки напряжения!*»

— Заткнись, полосатый, — буркнул Кирилл, но уже не мог сдержать улыбки.

— Слушай, Мотя, давай без истерик. Выходи. Я тебя... чаем со сгущёнкой угощу. Вон, банка имеется.

Под столом была тишина.

— С густой? — после паузы несмело спросили оттуда.

— С очень густой.

Ещё минута молчания. Потом из-под стола выбралось существо. Оно отряхнуло свой комбинезон и с подозрением уставилось на Кирилла.

— Ладно, — Мотя вздохнул.

— Только чтобы без подколов. И котяра чтобы молчал. А то я ему... я ему... — он замялся, не придумав угрозы. — Короче, чтоб молчал!

«Молчу, молчу, о великий Мотя, — сладко потянулся Никлаус. — *Боюсь до чёртиков.*»

Кирилл, не делая резких движений, достал банку белорусской сгущёнки, открыл её и поставил на стол. Через несколько минут на столе уже стояли две кружки чая. Пододвинул одну из чашек к Моте.

Казалось, буря утихла. Свет перестал мигать. Кирилл вздохнул с облегчением. В его жизни появился ещё один странный обитатель. Молодой, паникующий, говорящий на странном сленге домового по имени Мотя. И почему-то он был почти уверен, что это только начало.

Чай пили с Мотей, по очереди зачерпывая чайными ложками сгущёнку прямо из банки. Мотя заметно успокоился и посматривал на Кирилла уже без прежней паники, а с деловым видом.

— Ну ладно, — выдохнул он.

— Раз уж ты не стал меня экзорцизировать или вызывать МЧС, значит, не полный кринжовый.

Кирилл сделал глоток чая.

— Спасибо... Наверное.

— Не за что, — важно кивнул Мотя.

— Кот, кстати, тоже молчит, уважает его. — Он кивнул Никлаусу, который снисходительно прикрыл глаза.

— Значит, так. Объясняю на пальцах, потому что ты, я смотрю, в теме ноль целых и совсем без десятых.

— Обычный чел не может вот так взять и приютить у себя древнего кота, — Мотя ткнул рукой в сторону Никлауса.

— И артефакт, — он кивнул на колокольчик, — тоже просто так в руки не даётся. Значит, в тебе есть чутка силы. Ма-ги-и, — протянул он с важным видом.

— Пусть и спит пока. Я её почуял, потому и раскрылся. Своих, магических, чуем.

Кирилл молча кивнул, переваривая услышанное.

— Свинцовый короб тебе не нужен, — продолжал домового.

— Артефакт тебя признал, иначе бы ты уже был... кхм... не в порядке. Просто он не упакован. Надо его усыпить, перевести в дежурный режим. Энергию всю внутрь загнать, чтоб не фонил. Это просто.

— И как? — спросил Кирилл.

— Как все ритуалы. С чувством, с толком, с расстановкой. Держи колокольчик.

Кирилл взял его. Металл был прохладным.

— Теперь смотри на него и думай о... ну, о чём-то своём, самом спокойном. О том, как спишь. Или как суп ешь. Потом мысленно прикажи звякалке поступить так же, затихариться, в общем... Ну образ плюс пожелание... всё просто.

Кирилл почувствовал себя идиотом, но сделал, как сказано. Он представил себе послеобеденный сон в клинике, когда все ушли, и мысленно прошептал слова.

Колокольчик в его руке дрогнул, и его едва уловимое до этого «присутствие», та самая вибрация в воздухе, исчезла. На секунду ему показалось, будто кто-то невидимый удовлетворённо кивнул, и колокольчик стал просто куском металла.

Потом все ощущения исчезли.

— Получилось? — спросил Кирилл.

— Получилось, — сказал Мотя.

— Теперь он тебе доверяет чуть больше.

— Красава, — довольно добавил Мотя. — Теперь он в режиме энергосбережения. Будет нужен — дёрнешь за язычок, и он проснётся.

Облегчение разлилось по телу Кирилла. Часть проблемы была решена. И тогда он решился спросить о главном. Он рассказал Моте про визит старухи через зеркало и как он от неё отбился. Мотя слушал молча, но заинтересованно, и Кирилл прямо спросил:

— Слушай, а... та старуха из зеркала. Кто это? Она из-за колокольчика и кота пришла? Мотя помрачнел.

— Бро, это же ясно как божий день. Ведьма. Кислотная тётка с болот. Такие просто так не отстают. Раз пришла — будет жарить до победы. Или пока её саму не жахнешь чем-нибудь тяжёлым.

— И что делать?

— Я тут не в теме, — честно развёл руками домовой. — Моя специализация — сети, энергетика, бытовуха. С ведьмами не пересекался. Это не мой формат! Я со старшим потолкую. Ему тоже не с руки, чтоб тут магические разборки были. Он за порядком смотрит. Завтра отвечу.

Они договорились, что Мотя придёт с новостями завтра. Домовой, довольно кивнув, отошёл к холодильнику и растворился в воздухе, словно его и не было.

Кирилл закрыл лицо руками и задумался. Получается, он не только ветеринар, но и временный хозяин телепатического кота с амнезией, а также сосед молодого домового-паникёра. Его жизнь превратилась в сумасшедший сериал.

Но что-то внутри него, вопреки всему, уже не хотело, чтобы он закончился.

За окном шумел самый обычный город. Пермь. Машины ехали по своим делам. Где-то играли дети. Кто-то спешил с работы домой.

И только в одной маленькой квартире на восьмом этаже ветеринар, древний телепатический кот и перепуганный молодой домовой только что договорились вместе разбираться с ведьмой.

Мир снаружи оставался прежним.

Мир Кирилла изменился окончательно.

Глава 3. Визит магического следователя

Луч субботнего солнца медленно полз по стене, выхватывая из полумрака угол дивана, полку с книгами и вечный бардак на столе того участка квартиры, который Кирилл упрямо называл кухней. Наконец он добрался до лица Кирилла. Кирилл, шурясь, повернулся на другой бок, пытаясь урвать ещё пять минут драгоценного сна. Безуспешно.

Сон отпускал его неохотно. Последние полторы суток превратились в такой плотный комок невероятных событий, что мозг, кажется, просто отказался раскладывать их по полочкам. Ведьма в зеркале. Телепатический кот. Домовой. Колокольчик. Всё это сейчас казалось одновременно страшным и до смешного неправдоподобным. Если бы не тяжесть вчерашней усталости в мышцах и тихое сопение Никлауса где-то рядом, Кирилл решил бы, что всё это приснилось после слишком длинной смены в клинике.

«Ты собираешься занимать горизонтальное положение до вечера или уже можно рассчитывать на завтрак?»

Мысль в голове была чужой, ясной и полной сарказма. Кирилл, не открывая глаз, проворчал в подушку:

— Можно и до вечера. Особенно если кто-то будет вести себя тихо.

«Тишина не утоляет голод. Мои внутренние резервы иссякают. Я начинаю чувствовать лёгкое головокружение. Возможно, это начало агонии.»

— Драматизировать не надо, — Кирилл с трудом оторвался от подушки и сел на диване. — Вчера почти целую курицу умял. Какие ещё резервы?

Он потянулся, костяшки хрустнули приятно. Никлаус сидел на стуле у стола и вылизывал лапу с видом учёного, проводящего критический эксперимент.

«Целую курицу?» — мысленно фыркнул кот. — Всего две ножки. С точки зрения калорийности — лёгкий перекус. К тому же тот припадочный магический комок всю ночь шарился по розеткам, мешая восстановлению сил. Я практически не спал.»

— Он не припадочный, он... новый сосед, — Кирилл встал и направился к кухонному уголку. — И зовут его Мотя.

Пока он ставил вариться кофе в турке, кот спрыгнул с дивана и грациозно подошёл к своему месту, где уже лежала чистая газета.

«Новый сосед с деструктивными наклонностями. И что ты в нём нашёл?» — Никлаус сел, обвив хвостом лапы. — И почему это молоко ещё не налито? Я уже вижу пятна перед глазами.»

— Пятна — это от голода, да, — Кирилл достал из холодильника пакет молока. — Сейчас будет. А насчёт Моти... Мне кажется, вы с ним найдёте общий язык. Вы же оба... энергетики.

«Сравнил. Я — высокоорганизованное существо с тонкой душевной организацией. Он — ремонтная бригада, одержимая показателями счётчиков.»

Кирилл фыркнул, наливая молоко в миску. Он уже начал привыкать к их препирательствам. Они стали своеобразным ритуалом, как щебетание птиц за окном.

Затем открыл холодильник, достал курицу, отделил ножом половину грудки и положил на газету.

— Ладно, высокоорганизованное, на, подкрепишься. А я себе бутеров сделаю.

Он достал хлеб, масло, сыр. Турка тихо зашипела. Кофе быстро перебил запах холодильника и сырой курицы. Никлаус, наконец приступив к еде, издавал тихое довольное урчание. Казалось, ничто не может нарушить эту шаткую, но такую желанную идиллию.

Кирилл поймал себя на неожиданной мысли.

Ещё позавчера он был обычным ветеринаром. Его главной проблемой были прививки, анализы и слишком толстые домашние коты, которых владельцы упорно продолжали кормить

колбасой. А сегодня он совершенно спокойно готовит завтрак существу, которое разговаривает у него в голове, и даже не считает это самым странным событием недели.

— Знаешь... — неожиданно сказал он, ставя чашку с кофе на стол. — По-моему, я начинаю ко всему этому привыкать.

Никлаус перестал есть.

«Никогда не произноси подобных слов.»

— Почему?

«Потому что сразу после них Вселенная обычно начинает доказывать человеку, насколько он заблуждается.»

Раздался резкий, настойчивый звонок в дверь.

Урчание кота оборвалось мгновенно. Кирилл замер с ножом в руке. Они переглянулись.

«Ты кого-то ждал?» — мысленный голос кота потерял всю свою иронию и стал острым, настороженным.

— Нет, — так же мысленно, по привычке, ответил Кирилл. — Никого.

Он медленно положил нож, снял фартук. Сердце почему-то колотилось где-то в горле. Звонок повторился. Ещё более настойчивый.

Никлаус встал, его спина выгнулась, шерсть встала дыбом. Его зрачки расширились до огромных чёрных кругов.

«От него пахнет, — прошипел он в сознании Кирилла. — Пахнет сталью и старой магией. Будь осторожен.»

Кирилл глубоко вздохнул и направился к двери, чувствуя, как безмятежность субботнего утра растворяется в ощущении того, что спокойное утро закончилось.

Он подошёл к двери и, стараясь дышать тише, прильнул к глазку.

На площадке стоял незнакомый мужчина лет пятидесяти. Высокий, сухощавый, с той особой осанкой, которую не способен придать даже самый дорогой костюм. Такие люди привыкли, что им открывают двери ещё до того, как они представляются.

Тёмное кожаное пальто сидело безукоризненно, кашне было завязано просто, но аккуратно. Лайковые перчатки выглядели дорогими, однако внимание цеплялось вовсе не за них. Внимание притягивали глаза. Спокойные. Усталые. Очень внимательные. Это были глаза человека, который привык замечать то, что другие предпочитают не видеть.

И именно этими глазами он сейчас смотрел прямо на дверь. Не в глазок. Не на номер квартиры. Именно на дверь. Словно прекрасно знал, что Кирилл стоит за ней.

Звонок прозвучал снова. Коротко, настойчиво, без суеты.

Кирилл, чувствуя, как ладони становятся влажными, медленно открыл дверь.

— Кирилл Игнатьевич Орлов? — голос у мужчины был спокойным, глубоким, без намёка на угрозу.

— Да... это я, — с трудом выдавил Кирилл.

— Смирнов Николай Петрович, — гость чётким, отработанным движением достал и раскрыл перед ним корочки с гербом. — Подполковник ФСБ. Прошу прощения за столь ранний визит в ваш выходной день. Мне необходимо задать вам несколько вопросов. Можно пройти?

В голове у Кирилла пронеслись обрывки панических мыслей. ФСБ? За что? Клиника? Что-то с документами? Ведьма? Её нашли? Нет, не может быть...

Он почувствовал, как кровь отхлынула от лица, но сглотнул и молча, кивком, пригласил гостя войти, отступая в сторону.

Смирнов переступил порог с лёгким кивком.

— Благодарю. Извините ещё раз за беспокойство, — произнёс он уже совсем другим тоном — более мягким, почти дружелюбным, снимая перчатки.

Он аккуратно сложил перчатки, машинально разгладив их большим пальцем, словно делал это тысячи раз. Движение было спокойным, неторопливым и каким-то удивительно домашним. Совсем не вязалось с человеком, представившимся сотрудником ФСБ.

Кирилл вдруг поймал себя на странной мысли: этот человек совершенно не производил впечатления того, кто пришёл арестовывать. Скорее, так мог выглядеть преподаватель университета, приехавший принимать очень важный экзамен.

Его взгляд скользнул по прихожей, по студии и... остановился на коте. Никлаус сидел на спинке дивана как изваяние, его хвост был неподвижен, а изумрудные глаза были прикованы к гостю.

И тут строгие черты лица Смирнова смягчились, а в уголках его глаз обозначились лучики морщин.

— Ну, здравствуй, старый грешник, — тихо и с неожиданной теплотой произнёс он, глядя на кота. — Давненько не виделись.

Никлаус не ответил. Лишь медленно моргнул. Но Кирилл отчётливо почувствовал, как кот напрягся всем телом. Не испугался. Именно напрягся. Так, наверное, смотрят друг на друга два шахматиста, вновь оказавшиеся за одной доской спустя много лет.

Кирилл медленно перевёл взгляд с гостя на кота.

Потом обратно.

За всё время знакомства Никлаус успел нагрубить ведьме, высмеять домового, довести до белого каления самого Кирилла и ни разу не показал даже намёка на уважение к кому бы то ни было.

Сейчас же он молчал.

И это молчание почему-то тревожило сильнее любого шипения.

Выдержав мхатовскую паузу, Никлаус, к удивлению Кирилла, мысленно ответил без своей обычной язвительности.

«И ты всё ещё жив, старый същик... И тебе здравствовать...»

В этих словах не было ни насмешки, ни раздражения. Только спокойное уважение, которое возникает между теми, кто слишком давно знает цену времени.

Смирнов кивнул, дав понять, что услышал ответ. Он молча стоял посреди комнаты, его взгляд скользил по стенам, по книгам, по самым простым вещам, будто читал в них какую-то невидимую глазу информацию. Пауза затягивалась. Кирилл тоже молчал, не решаясь нарушить тишину, которую прервал только тихий звук закипающей в чайнике воды.

Наконец гость обернулся. Его усталые глаза внимательно посмотрели на Кирилла.

— Кирилл, не считай за труд, — голос его звучал уже совсем по-домашнему, без казённых ноток. — Угостишь старика чаем? Дорога была долгой, а разговор у нас предстоит небыстрый.

— Да... Конечно, прошу, — Кирилл, немного опешив от такого обращения, поспешно указал на стол в кухонном уголке. — Садитесь, пожалуйста. Сейчас всё будет.

Уже снимая с плиты чайник, Кирилл вдруг понял, насколько нелепо выглядит происходящее.

Пять минут назад он был уверен, что к нему пришёл человек, который сейчас наденет на него наручники.

А теперь этот самый человек спокойно просил чаю.

И почему-то казалось совершенно естественным сначала напоить гостя, а уже потом выяснять, за что именно тебя, возможно, собираются арестовать.

Они сели друг напротив друга. Кирилл суетливо расставил чашки, бросил в них пакетики с чаем, налил кипятка. Смирнов молча наблюдал за его движениями, и в его взгляде читалось некое странное сочетание нетерпения и отеческой снисходительности.

Никлаус неторопливо подошёл к столу и одним прыжком оказался на свободном стуле. Обычно он требовал к себе внимания или отпускал язвительные замечания, но сейчас просто сел рядом со Смирновым.

Между ними не прозвучало ни слова.

Однако Кирилл отчётливо почувствовал странное ощущение, будто эти двое уже успели обменяться тем разговором, к которому его пока не допускали.

Только когда пар от чая начал виться над столом, подполковник заговорил, обхватив свою чашку ладонями, словно греясь.

— Видишь ли, Кирилл, — начал он тихо, и имя прозвучало у него тепло и естественно. — То удостоверение, которое я тебе показал... это лишь ширма. Для мира людей. Я не подполковник ФСБ.

Он произнёс это спокойно, будто говорил о смене погоды. Не было ни театральной таинственности, ни желания произвести впечатление. Именно эта простота почему-то убеждала гораздо сильнее любых громких заявлений.

Он сделал паузу, давая словам улечься в сознании Кирилла.

— Моя настоящая фамилия — Смирнов, это правда. А моя настоящая работа... несколько иная. Я — старший следователь магического Следственного Департамента.

Он говорил спокойно, без малейшего желания произвести впечатление. Так обычно рассказывают о своей профессии люди, которые настолько давно к ней привыкли, что перестали считать её чем-то необычным.

Кирилл замер, не в силах оторвать взгляд от говорящего.

— Наша зона ответственности — Урал. Европейская его часть, — Смирнов махнул рукой, как бы очерчивая невидимую карту. — От Перми и до Уфы.

Он произнёс это тем же тоном, каким обычный участковый мог бы сказать: «мой участок — три квартала в длину и два в ширину».

От этого становилось особенно не по себе.

Если человек способен настолько спокойно говорить о магическом мире, значит, этот мир существует для него уже очень давно.

Он отхлебнул чаю, его взгляд на мгновение стал отрешённым, будто он мысленно перенёсся куда-то далеко-далеко.

— Видишь ли, Кирилл, я знал твоего отца. Много лет назад, после того как он... пропал, — он произнёс это слово с лёгкой болью, — я установил на тебя кое-что. Магический маячок. Очень тихий, незаметный. Просто чтобы знать, что с тобой всё в порядке.

Смирнов произнёс это без тени оправдания. Он не просил прощения. Не пытался объяснить своё решение. Он просто констатировал факт. И почему-то именно это убедило Кирилла сильнее любых оправданий.

Смирнов замолчал, давая Кириллу осознать сказанное. Кирилл медленно поставил чашку.

— Простите...

Он даже не сразу понял, что сказал это вслух.

— Вы хотите сказать... вы наблюдали за мной... все эти годы?

Смирнов ненадолго замолчал.

— Не наблюдал. Присматривал. Разница есть.

Последние слова прозвучали неожиданно тепло. Так мог ответить человек, который действительно считал себя ответственным.

— Наверное, по современным законам это нарушение всех мыслимых норм личной жизни. Но тогда ты был двухлетним мальчишкой, оставшимся без отца. И я не собирался терять ещё и тебя.

— Позавчера вечером и глубокой ночью этот маячок... сработал. Меня не было в Перми. Я тогда был по делам в предгорьях Полюдова кряжа, бросил всё и немедленно выдвинулся сюда. Так что вот я здесь.

— Если честно, — неожиданно усмехнулся Смирнов, — сначала я решил, что маячок просто вышел из строя. За двадцать с лишним лет он ни разу не подавал настолько сильного сигнала. Обычно так бывает...

Он осёкся.

— Впрочем, об этом позже. И мой главный вопрос к тебе: что, чёрт возьми, тогда произошло?

Кирилл некоторое время молчал. Он вдруг понял простую вещь. За последние двое суток он соврал начальнице. Соврал хозяйке Никлауса. Соврал самому себе, пытаясь убедить, что всё происходящее — временное безумие.

И впервые за эти дни перед ним сидел человек, которому, как ни странно, хотелось сказать правду.

Всю. Без остатка.

Он сидел, вжавшись в стул. В голове проносились обрывки того, что произошло позавчера вечером: зеркало, ведьма, УФ-лампа, колокольчик... Всё это казалось таким нереальным сейчас, при дневном свете, под спокойным взглядом этого странного человека.

Он сглотнул, собираясь с мыслями. Страх постепенно сменился жгучим любопытством и требованием правды.

— Я... я ничего не буду рассказывать, — произнёс он твёрже, чем ожидал сам. — Пока вы мне не объясните всё. С самого начала. Кто этот кот? Почему на него охотится ведьма? И что это за сигнализация на мне? Кто вы такой на самом деле и какое отношение ко всему этому имеет мой отец?

Он сам удивился собственному голосу. Страх никуда не исчез. Но рядом сидел человек, который, кажется, действительно знал ответы. И впервые за последние полторы суток Кирилл почувствовал, что имеет право требовать объяснений.

Смирнов внимательно выслушал, не перебивая. На его лице впервые мелькнуло уважение.

— Справедливо, — кивнул он. — Вопросы правильные. — Он отпил ещё чаю и тяжело вздохнул. — Ладно. Раз уж в тебе проснулась сила, пусть и крошечная, и раз уж такой товарищ, — он кивнул на Никлауса, — решил к тебе прибиться, значит, ты созрел для полной правды. Но я ещё раз прошу тебя подумать и ответить: ты действительно готов узнать и принять всю правду об отце, о себе? Обратной дороги не будет...

В комнате повисла тишина.

Даже Никлаус не отпустил язвительных замечаний.

Где-то за домами шумно проехал трамвай шестого маршрута. В комнате, в трубах центрального отопления, что-то булькнуло. Кирилл неожиданно понял: именно этот ответ разделит его жизнь надвое.

На ту, что закончилась два дня назад.

И на ту, которая ещё даже не началась.

Глава 4. Наследие

Тяжёлая пауза повисла в воздухе после слов Смирнова. Вопрос «ты действительно готов узнать всю правду об отце, о себе» звенел в тишине куда громче любого звонка.

Кирилл сидел, вжавшись в стул, пытаясь осмыслить масштаб того, что только что услышал. Магический Департамент. Он сам — часть всего этого. Мир перевернулся с ног на голову за несколько минут.

Он посмотрел на свои руки, потом на Смирнова, на его усталое, но твёрдое лицо. Внутри не было страха. Была жгучая, всепоглощающая жажда. Жажда правды. Жажда понять, кем был его отец. И кто он сам.

— Да, — выдохнул он, и его голос прозвучал увереннее, чем он ожидал. — Я готов. Я хочу знать всё. Про отца. Про этот... Департамент. Про меня.

Он сам удивился собственному спокойствию. Ещё вчера подобные слова показались бы ему бредом человека с высокой температурой. Сегодня же они звучали почти естественно. Словно какая-то часть его давно знала, что однажды этот разговор обязательно состоится, и просто терпеливо ждала своего часа.

Смирнов внимательно посмотрел на него, будто проверяя искренность его слов. В его глазах мелькнуло что-то — одобрение? Облегчение?

— Хорошо, — кивнул он. — Тогда слушай. И запоминай. То, что ты услышишь, больше не знает почти никто в этом городе, кроме нас. — Он обвёл рукой комнату, включив в «нас» и себя, и Кирилла, и даже молчаливо наблюдающего Никлауса.

— Начнём с самого начала. С основ мироздания. Чтобы ты понимал, в какую игру тебе предложили сыграть.

Он ненадолго замолчал.

— Знаешь, Кирилл... за двести с лишним лет службы мне приходилось рассказывать правду разным людям. Одни начинали смеяться. Другие считали, что я сумасшедший. Третьи просили показать фокус, чтобы окончательно убедиться.

На его лице мелькнула едва заметная улыбка.

— А ты задаёшь правильные вопросы. Это хороший признак. Значит, голова у тебя пока сильнее эмоций.

Смирнов отхлебнул остывшего чая. Он слегка поморщился.

— Остыл уже.

Кирилл машинально потянулся к чайнику.

— Сейчас подогрею.

— Не стоит, — мягко остановил его Смирнов. — Хороший разговор не должен прерываться из-за такой мелочи.

Его взгляд стал отрешённым, устремлённым вглубь веков, будто он сам был свидетелем тех событий.

— В незапамятные времена, — начал он, и его голос приобрёл мерный, почти повествовательный тон, — вместе с появлением людей и магических существ появились и Хранители. Никто не знает, как и почему. Это воля самого Мироздания. Попытки понять это — всё равно что муравью попытаться осознать устройство реактивного двигателя. Мы можем лишь констатировать факт и принимать правила игры.

Он сделал паузу, давая Кириллу впитать эту мысль.

— Хранители — это не боги. И не люди. И не магические существа в нашем понимании. Они — сущности высшего порядка.

— Мы почти ничего о них не знаем, — спокойно продолжил Смирнов. — И знаешь, что самое любопытное? Они никогда не требуют поклонения. Им не нужны храмы, молитвы или

жертвы. Им нужен только Порядок. Пока мир находится в равновесии — они почти незаметны. Но стоит этому равновесию серьёзно нарушиться... они появляются. Бессмертные, неизменные. Они отличаются от нас с тобой как день от ночи. У них нет ни прошлого, ни будущего в нашем понимании — для них всё есть вечное «сейчас».

Кирилл слушал, заворожённый, не смея прервать вопросом.

Он вдруг поймал себя на странной мысли: всё это звучало невероятно, но почему-то не вызывало внутреннего протеста. Будто каждая новая деталь не ломала привычную картину мира, а вставала на давно приготовленное для неё место.

— Их двенадцать. Каждый отвечает за свою область. Люди. Природа. Магические существа. Время. Память. Смерть... И так далее. — Он перечислил их с лёгким движением пальцев, как бы перебирая невидимые нити.

— Но для нас с тобой, — его голос стал твёрже, — ключевой фигурой является Хранитель Порядка. Именно в его ведении находится поддержание того хрупкого баланса, что позволяет нашему миру, твоему привычному миру людей и скрытому от него миру магии, существовать параллельно, не уничтожая друг друга. Он — верховный арбитр, гарант стабильности. И именно ему, — Смирнов слегка коснулся пальцем груди, — служит наша организация. Магический Следственный Департамент — это его руки, глаза и воля, воплощённые в нашем мире.

Он умолк, дав Кириллу представить себе масштаб этой системы. Воздух в маленькой кухне казался густым от древности и величия того, о чём шла речь.

— Хранители могут всё, Кирилл, — тихо, почти шёпотом, произнёс Смирнов. — Мгновенно перемещаться в любую точку планеты. Быть в нескольких местах одновременно. Принимать любой облик — от былинного богатыря до пылинки в солнечном луче. Мы, следовательно, лишь инструменты в их руках. Очень могущественные, но всего лишь инструменты. Понимаешь, в какую игру ты хочешь вступить?

Несколько секунд стояла тишина. Потом негромко прозвучал мысленный голос Никлауса:

«Редкий случай... Следователь почти ничего не приукрасил.»

Кирилл невольно повернулся к коту.

«Не смотри на меня так, — лениво продолжил тот. — Если уж даже я отношусь к Хранителям с осторожностью, значит, причина для этого действительно есть.»

Вопрос Смирнова повис в воздухе. Кирилл кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Он понимал. И от этого понимания по спине бежали мурашки.

Смирнов внимательно посмотрел на Кирилла, оценивая, как тот воспринял информацию о Хранителях. Увидев в его глазах не страх, а жгучий интерес, он удовлетворённо кивнул и продолжил, его голос приобрёл более приземлённые, но не менее весомые интонации.

— Хранитель — это вершина. А фундаментом, на котором всё держится, являемся мы. Магический Следственный Департамент.

Он ненадолго замолчал и задумчиво провёл пальцем по краю чашки.

— Забавно... Люди почему-то уверены, что самый важный человек — это тот, кто сидит наверху. Министр. Президент. Генерал. На самом деле любой порядок держится на тех, кто ежедневно делает свою работу и никогда не попадает в новости. Если мы хорошо исполняем службу — люди даже не подозревают, что были в опасности. А значит, всё сделано правильно. Пойми, Кирилл, мы не министерство с кабинетами и корочками. Мы... Братство. Одна большая семья, растянутая по всей планете и скреплённая не уставами, а кровью, долгом и словом, данным Хранителю.

Он отодвинул пустую чашку, чтобы ничто не мешало его рассказу.

— Путь в него для посторонних закрыт. Навсегда. Следователями могут стать только дети следователей. Это замкнутый круг, каста. Так было всегда и всегда будет. В начале времён

Департамент был создан исключительно из ведьмаков, самых сильных и мудрых из нас, и с тех пор традиция не менялась. Мы — не наёмные служащие. Мы — наследники.

— Именно поэтому у нас нет случайных людей. Нас невозможно купить. Практически невозможно внедрить своего человека. Любой следователь знает, что рядом с ним служили его отец, дед, прадед... иногда десятки поколений подряд. Это создаёт доверие, которое нельзя прописать ни в одном уставе.

Кирилл молча кивнул, пытаясь представить себе эту гигантскую, невидимую миру семью.

— Решение стать следователем — самое важное в жизни. Оно должно быть абсолютно добровольным, — Смирнов подчеркнул это слово. — Когда приходит время, а это обычно между двадцатью и двадцатью семью годами, кандидата приводят к Хранителю Порядка. В место силы, указанное Хранителем, и Хранитель... просто появляется. И заключается Соглашение. Контракт на двести лет службы.

Кирилл машинально усмехнулся.

— Звучит как самый жуткий трудовой договор в истории человечества.

Смирнов тоже едва заметно улыбнулся.

— Не спорю. Но, в отличие от большинства работодателей, Хранитель никогда не нарушает свою часть договора.

Кирилл непроизвольно вздохнул. Двести лет... Цифра казалась невообразимой.

— Да, Кирилл, время для нас течёт иначе, — мягко улыбнулся Смирнов. — В знак этого Соглашения Хранитель вручает новоиспечённому следователю артефакт — кристалл с выведенной в нём индивидуальной руной. По-новомодному молодые следователи прозвали его «жетон». — Он сделал паузу, чтобы следующая фраза прозвучала максимально весомо. — Это не просто магический кристалл. Это, как мы предполагаем, часть Хранителя, возможно, часть его души, если у него есть душа. Он открывает доступ к мощи, сравнимой с силой самого Хранителя. Против большинства существ ты практически непобедим. Твоя воля становится законом для магического мира.

— Запомни одну вещь, — тихо сказал Смирнов. — Сила сама по себе никого не делает великим. Я видел следователей, которые могли одним словом остановить дракона и при этом боялись признаться любимой женщине в своих чувствах. И видел совсем молодых ведьмаков, обладавших крошечной искрой дара, но способных изменить судьбу целого города. Всё решает человек. Не артефакт.

Некоторые считают, что следователь перестаёт быть свободным, получив «жетон». Другие — что впервые становится по-настоящему свободным.

Он замолчал, дав Кириллу осознать грандиозность этого дара.

— Но у этой силы есть и обратная сторона. Жёсткие ограничения. «Жетон» — это не только источник силы, но и нравственный компас. Он блокирует в следователе все зачатки тёмных наклонностей — жадности, стяжательства, властолюбия, жестокости. Ты просто не сможешь причинить зло без веской, оправданной причины. Ты становишься... подобием ангела-хранителя, но на земле. И ещё, — Смирнов взглянул на Кирилла с лёгкой печалью, — на время службы ты лишаешься права заводить семью. Не можешь иметь детей. Эта функция блокируется. Ты полностью принадлежишь Департаменту и его миссии.

— Но... любовь? — робко спросил Кирилл.

Вопрос вырвался раньше, чем он успел подумать. И только задав его, Кирилл понял, что спрашивает вовсе не о гипотетическом будущем. Он спрашивал о собственной жизни. О том, что однажды может потерять, даже ещё не успев обрести.

— Любовь, романы, увлечения? — Смирнов махнул рукой. — Это не запрещено. Ты можешь быть с кем угодно — с женщиной-человеком, с магическим существом, способным принять человеческий облик. Но это будут лишь... яркие вспышки на долгом пути. Глубокой привязанности, семьи, которую ты будешь охранять и растить, у тебя не будет. Твой долг —

охранять всех. А не кого-то одного. Потому что человек, защищающий весь мир, неизбежно начнёт выбирать между миром и собственной семьёй.

Он откинулся на спинку стула, его рассказ завершился. В комнате повисла тишина, густая от осознания той цены, которую платили эти люди за свою силу и долголетие. Кирилл смотрел на свои руки, пытаясь представить, каково это — держать в них такую мощь и нести такое бремя.

Он вдруг понял, что разговаривает с человеком, который прожил столько жизней, что для него собственное прошлое уже давно превратилось в учебник истории.

И при этом Смирнов совершенно не производил впечатления человека, уставшего жить. Скорее, наоборот. Он выглядел человеком, которому до сих пор интересно.

Смирнов дал Кириллу время перевести дух, позволил тому осознать всю тяжесть и величие двухсотлетнего служения. Затем он продолжил, и в его голосе зазвучали новые, более мягкие и личные ноты — ностальгия, грусть, а где-то и надежда.

— Но ничто не вечно под луной, даже для нас. Двести лет рано или поздно заканчиваются, — произнёс он, и его взгляд смягчился. — И здесь нас ждёт не суд и не расплата, а... награда. Долгожданная передышка. Сто лет отпуска.

Кирилл смотрел на него, замороженный. Сто лет... это звучало как вечность.

— Это не просто перерыв, — пояснил Смирнов. — Это глубокая трансформация. Хранитель не бросает своих слуг на произвол судьбы. Во-первых, следовательно сохраняет львиную долю своей силы. Он всё ещё невероятно могущественен по меркам любого другого ведьмака или магического существа. Но с него снимаются главные ограничения — тот самый «нравственный фильтр» и блок на продолжение рода. Его душа проходит через... очищение. Опыт двухсот лет борьбы, боли, принятия тяжёлых решений — весь этот негативный груз аккуратно снимается, как старая, пропахшая потом и дымом плащ-палатка. Остаётся лишь мудрость и память. И даже внешность... — Смирнов слегка улыбнулся, — её можно «подкорректировать». Вернуть себе молодость или остановиться в возрасте зрелой мудрости — кому что комфортнее.

Он сделал паузу, давая Кириллу представить себе этот миг освобождения.

— И вот тогда, Кирилл, следовательно получает главный подарок — шанс на личную жизнь. Эти сто лет отпуска он может теперь посвятить себе. Может завести семью. Жениться. Причём выбор не ограничен: будь то женщина-человек или магическое существо, обретшее человеческий облик. И от такого брака, — Смирнов посмотрел на Кирилла значительно, — всегда рождаются сыновья. Все — с мощным магическим даром, будущие кандидаты в следователи. Это закон. Дочерей... не бывает.

Кирилл несколько секунд молчал.

— Подождите... всегда?

— Всегда, — спокойно подтвердил Смирнов. — За всю историю Департамента не было ни одного исключения.

— Впрочем, — он махнул рукой, — если очень хочется возиться с девочками, никто не запрещает взять ребёнка из приюта. Сирот, увы, всегда хватает. Но такие дети, конечно, лишены дара и в дела Департамента не посвящаются. Их растят, любят, но... они всегда остаются по ту сторону магии.

Смирнов отхлебнул чаю, его взгляд стал отрешённым.

— Сто лет отпуска пролетают как один миг. Поверь человеку, который этот отпуск уже проживал. И вот тогда, отдохнувший, переродившийся, бывший следователь оказывается на распутье. Перед ним — очень важные три пути. — Он поднял руку, готовясь загибать пальцы.

— Первый путь. — Отогнул указательный палец. — Вернуться. Подписать новый контракт с Хранителем ещё на двести лет. Сила обретает свою полную меру, ограничения и долг

— тоже. Цикл повторяется. Многие так и делают, особенно те, кто не смог найти себя в «мирной» жизни или для кого долг стал единственной настоящей семьёй.

— Второй путь. — Отогнулся средний палец. — Стать простым ведьмаком. Окончательно уйти в отставку. В этом случае Хранитель забирает твой «жетон» навсегда. Сила, им данная, уходит. Но ты остаёшься с той природной магией, что была дана тебе при рождении, и с огромным багажом знаний. Ты можешь варить зелья, накладывать чары, создать свой клан или примкнуть к чужому. Жить для себя, своей семьи, своего рода. Но помни: твои будущие сыновья, если они родятся, уже никогда не смогут стать следователями. Дверь в Департамент для твоей ветви рода захлопнется.

— И, наконец, третий путь. — Отогнулся безымянный палец. — Самый радикальный. Полностью отказаться. Стать человеком. Хранитель не только заберёт «жетон», но и аккуратно извлечёт из тебя саму память о магическом мире, о Департаменте, о всём, что было с этим связано. Вся сила, и сверхъестественная, и природная, угаснет. Останется лишь... лёгкая удача, везение в мелочах — это тоже плата за службу. Но ты будешь жить. Обычной человеческой жизнью. В полном, блаженном неведении.

Кирилл вдруг поймал себя на странной мысли: любой из этих путей был настолько огромен, что ещё вчера он не поверил бы даже в возможность подобного выбора. А теперь ему предлагали однажды решить собственную судьбу так же спокойно, как люди выбирают профессию.

Смирнов неожиданно замолчал.

Потом тихо усмехнулся.

— Прости...

— Что?

— Стариковская привычка. Когда проживёшь несколько сотен лет, начинаешь рассказывать слишком длинно. Мне всё время кажется, что времени впереди ещё очень много.

Кирилл только улыбнулся.

— А его нет?

Смирнов несколько секунд молчал.

— Нет, Кирилл. Его никогда не бывает много.

Он опустил руку и посмотрел на Кирилла прямо, и в его глазах читалась вся тяжесть этого выбора.

Никлаус молча слушал Смирнова. Иногда кот едва заметно кивал. Иногда пренебрежительно фыркал. А пару раз Кириллу даже показалось, что Никлаус собирается перебить Смирнова. Но каждый раз передумывал. Для существа, которое не упускало случая отпустить язвительное замечание, подобная сдержанность говорила сама за себя.

— Твой отец — Игнат, как и я, был следователем и как раз находился в таком отпуске, — продолжал Смирнов. — Он отслужил свои двести лет, выбрал сто лет покоя. Женился на твоей матери, простой женщине, поселился здесь, в Перми... должен был просто жить и растить тебя, своего сына, будущего продолжателя рода. Однако этого не случилось...

Смирнов неожиданно замолчал. Впервые за весь разговор. Настолько надолго, что Кирилл уже хотел что-то спросить. Но не успел. Старый следователь тихо произнёс:

— Знаешь... за все эти годы я много раз думал, что скажу тебе, если когда-нибудь мы всё-таки встретимся. И сейчас вдруг понял... Ни одной заготовленной фразы я больше не помню.

Смирнов тяжело вздохнул, и его лицо омрачилось. Он продолжил:

— Незадолго до твоего рождения случились лихие девяностые...

Смирнов вновь умолк, и в тишине студии был слышен лишь мерный тикающий ход настенных электронных часов и тяжёлое, ровное дыхание Никлауса, свернувшегося клубком на диване. Он смотрел куда-то вглубь себя, в то прошлое, которое теперь должно было стать настоящим Кирилла.

— Твой отец, — вновь начал он, и его голос стал глубже, глуше, — был из тех, кто отдавал службе всего себя без остатка. Его двести лет на Дальнем Востоке... это была не служба, это была настоящая война с магическим криминалитетом, который считал, что, раз они находятся далеко от центральной власти, то возможна вседозволенность. Когда он вышел в отпуск, он поменял место жительства, сменил внешность, став выглядеть чуть старше, чем ты сейчас. Он женился на твоей матери — простой, светлой женщине, не знавшей о нашем мире ровным счётом ничего. Он любил её. И он безумно любил тебя. Поселившись здесь, в Перми, он словно хотел спрятаться от всего в самом центре материка, подальше от своих прежних тревог.

Он вновь тяжело вздохнул, и его пальцы бессознательно сжали пустую чашку.

— Итак, про девяностые... Рухнула не только страна — рухнули барьеры. Магический криминал, который раньше боялся высовываться, почуял слабинку и полез из всех щелей. Вампиры-рэкетеры, оборотни-наёмники, ведьмы, устраивающие подпольные аукционы душами... Всё это хлынуло в большие города — в Москву, Питер. Там было где разгуляться нечисти. Отделы этих и других особо криминальных городов были попросту завалены работой, самостоятельно не могли справиться с волной преступлений.

Смирнов с силой потёр переносицу, будто пытаясь стереть воспоминания.

— Руководству Департамента пришлось принимать жёсткие меры. Следователей с более тихих и спокойных участков стали перебрасывать на усиление горячих точек. В том числе и из нашего Пермского отдела. В итоге здесь, на весь Урал, остался один-единственный следователь — молодой, служащий свои первые пятьдесят лет, — Андрей Привалов. Хоть и не зелёный, но малоопытный. Я в то время работал в другом конце страны.

Он замолчал, и в его глазах появилась та самая боль, о которой он говорил, — боль брата по оружию, потерявшего товарища.

— И тут происходит нечто немыслимое. Игнат, который был в отпуске, который имел полное право отгородиться от всех наших проблем и наслаждаться жизнью, является к Андрею. Не за советом, не поболтать. Он пришёл с одним-единственным вопросом: «Есть ли какие сигналы по Чёртову городищу?» — спросил он. Андрей, конечно, полез в сводки, проверил аналитику — тишина. Ни намёка на аномальную активность в том районе. Он ответил: «Нет, Игнат, всё чисто по городищу, а что случилось?» Твой отец только кивнул. Не удивился. Не стал ничего объяснять. Просто развернулся и ушёл. Это был последний раз, когда Андрей видел его. А через несколько дней... он исчез.

Кирилл медленно опустил взгляд. Теперь отец переставал быть безликой строчкой в старом деле о пропавшем человеке. Перед ним постепенно возникал живой человек — сильный, упрямый, способный добровольно вернуться туда, откуда заслуженно ушёл.

Смирнов посмотрел на Кирилла, и в его взгляде читалась вся горечь той невозможности что-либо изменить.

— Пропажа следователя, даже находящегося в отпуске, — это ЧП вселенского масштаба. Меня, как одного из самых опытных, немедленно перевели сюда и назначили старшим с двумя задачами: руководить работой отдела и найти Игната. Живым или мёртвым. Мы с Андреем прочесали всё. Слабый след вёл на Уральские горы, к Чёртову городищу. И там... обрывался. Словно его смели с лица земли. Но печать его «жетона», его личной силы... она не исчезла. Она замерла. Застыла. Как спящий вулкан или даже как насекомое в янтаре.

Он выдержал паузу, чтобы его следующие слова прозвучали с абсолютной, непоколебимой уверенностью.

— Я верю, что он жив, Кирилл. Убить следователя, даже бывшего, но носящего в себе часть силы «жетона», — задача запредельной сложности. Его очень сложно, но теоретически возможно запечатать, изгнать, забросить в другую реальность, усыпить... но не уничтожить полностью. Его след, его эхо всегда остаётся. Он там. Где-то.

Что-то болезненно сжалось внутри Кирилла. За всю жизнь он ни разу не позволял себе по-настоящему надеяться. Надежда всегда казалась опаснее правды. И всё же сейчас она впервые появилась.

Смирнов замолчал, дав Кириллу в полной мере ощутить тяжесть услышанного. История отца висела в воздухе густым, неразрешимым вопросом. Затем его взгляд, прежде устремлённый в прошлое, сфокусировался на Кирилле.

— А теперь — о тебе, — произнёс он тихо, но так, что каждое слово било в самую душу. — Сыновья следователей, Кирилл, не бывают обычными людьми. Они рождаются с зёрнами магии, спящими в крови. Это их наследие. Их дар и их проклятие. Эти зёрна должны были прорасти, когда тебе исполнилось десять лет. Отец провёл бы тебя через обряд инициации — простой, домашний, но от этого не менее важный. Он раскрыл бы твой дар, научил бы им управлять, показал бы тебе обе твои будущие дороги... и подготовил бы к выбору, который каждый сын следователя должен сделать до того, как ему исполнится двадцать семь лет.

Он с сожалением покачал головой.

— Но отец исчез. Твой ключевой рубеж прошёл без него. Твоя сила так и осталась спящей, неразбуженной. Я, как старший из следователей в регионе, сделал выбор за твоего отца. Я решил, что, раз так угодно судьбе, ты будешь жить обычной, нормальной жизнью. Я решил не будить в тебе дар, но, если дар сам пробудится, рассказать тебе всё без утайки. Я наложил на тебя и твою мать тихое охранное заклинание — тот самый «маячок», который должен был сработать только в случае, если ты или она подвергнетесь опасности. Только так я мог поступить как собрат твоего отца — защитить в крайнем случае. Кроме того, в наложенное на тебя заклятие я вплёл дополнительную функцию «маячка» — реакцию на проявление магии. Я дал тебе шанс. Шанс прожить жизнь простого человека. Незнание — тоже форма защиты.

Кирилл неожиданно вспомнил своё детство. Ничего необычного. Двор, велосипеда, старая песочница, первый мобильный телефон... Самый обычный мальчишка. И теперь ему говорили, что именно тогда вся его жизнь должна была пойти совсем по другому пути.

Смирнов облокотился на стол, сокращая дистанцию между ними. Его голос стал жёстче, требовательнее.

— И этот маячок сработал. Ты подвергся воздействию магии, и в то же время ты сам, неосознанно, коснулся своих магических сил. И теперь, Кирилл Игнатьевич Орлов, — он произнёс полное имя с отчётливой, ритуальной чёткостью, — твой отсчёт пошёл заново. У тебя есть время до двадцати семи лет. Но теперь этот выбор стоит перед тобой во всей своей полноте, и от него не спрятаться.

Он откинулся на спинку стула, его фигура вновь обрела величие не просящего, а предлагающего судьбу.

— Первый путь: ты проходишь обряд полной инициации. Мы раскрываем твою силу полностью, и ты принимаешь своё наследие. Ты становишься тем, кем должен был стать, — ведьмаком, сыном Игната Орлова. В дальнейшем получишь ещё один выбор: остаться просто ведьмаком или стать членом нашей семьи — Братства Следователей.

— Второй путь: ты отказываешься. Мы гасим в тебе этот всплеск. Ты остаёшься с той «малой силой», что проявилась сейчас — её хватит на бытовую интуицию, на понимание кота, может быть, на мелкие чудеса. Но мы больше не касаемся этой темы. Ты живёшь дальше как ветеринар Кирилл Орлов, а я исчезаю из твоей жизни, но «маячок» остаётся.

Всё оказалось гораздо страшнее, чем Кирилл ожидал. Не потому, что ему угрожали. Наоборот. Ему честно предлагали выбирать самому. И именно поэтому отказаться от ответственности уже не получалось.

— И знаешь, что самое важное? — тихо произнёс Смирнов. — Ни один из этих путей не является неправильным. Хранитель никогда не принуждает. Иначе Порядок давно перестал бы быть Порядком.

Он умолк. Тишина в комнате стала физической, давящей, звонкой. Даже Никлаус не издал ни звука, затаившись.

— Думай. А теперь, Кирилл, я жду от тебя рассказа о том, что же произошло в клинике.

Тяжесть выбора, нависшая в воздухе, казалась почти осязаемой. Кирилл сидел, ошеломлённый, пытаясь хоть как-то осмыслить обрушившийся на него вал судьбоносных решений. Его взгляд блуждал по комнате, цепляясь за привычные детали — трещинку на потолке, чашку с недопитым чаем, — пытаясь найти в них опору.

Он уже почти перестал удивляться. Странно, но самое невероятное происходило не снаружи. Оно происходило внутри него. Его мир не рушился. Он просто переставал помещаться в прежние границы. Всё, что раньше казалось сказками, вдруг не отменяло привычную жизнь, а существовало рядом с ней — словно всегда было здесь, только оставалось невидимым.

Смирнов наблюдал за ним, и суровая складка у его рта смягчилась.

— Я понимаю, что скинул на тебя слишком много за один раз, — произнёс он, и его голос вновь стал обыденным, почти отеческим. — Выбор, который я предложил, не требует сиюминутного ответа. Подумай. Взвесь всё.

— А что до твоего нового... питомца, — он кивнул в сторону Никлауса, который демонстративно вылизывал лапу, делая вид, что не слушает, — то это вопрос несколько курьёзный и не требует спешки, я сам ещё не до конца в нём разобрался. Его историю я расскажу тебе после того, как ты поведаешь мне о том, что произошло в твоей ветлечебнице.

Глава 5. Нелёгкий рассказ

Кирилл сглотнул вставший в горле комок. Влажные ладони с силой потер о колени. Смотрел не на Смирнова, а мимо него — на стену, где висел дешёвый постер с размытым ночным мегаполисом. Сейчас было проще говорить в эту безликую неоновую пустоту, чем выдерживать пронзительный, всевидящий взгляд следователя.

— Ну, вообще-то всё началось с того, что я... опоздал на работу, — пробормотал он, сразу же почувствовав всю идиотичность этого вступления. Он сам невольно усмехнулся. Странно было начинать рассказ о ведьмах и древней магии с банального опоздания на смену.

— В четверг. То есть это не с того началось... это просто предыстория. Настроение было отвратительное, — продолжил он.

Смирнов сидел напротив, облокотившись на спинку стула. Его поза была расслабленной, но внимание было абсолютным, острым, как скальпель. Он не перебивал, лишь слегка кивнул, давая понять, что слушает.

— А потом, под конец дня, когда я уже мечтал только о диване, ворвалась эта девушка... с переноской. А там — он. — Кирилл мотнул головой в сторону Никлауса, который с невозмутимым видом умывался на подоконнике, будто речь шла не о нём. — Кот. С виду — просто шикарный чёрный кот. Но он был холодный. Ледяной. И на боку у него были царапины... — Кирилл замялся, ища нужные слова. — Они... дымились. Паром. Ледяным паром.

«Морозные ожоги, — послышалось у него в голове. — Элементарно.»

Кирилл вздрогнул и на мгновение встретился взглядом со Смирновым. Тот поднял бровь, но ничего не сказал. Видимо, мысленные реплики кота были слышны и ему.

— Я пытался его лечить... как обычное животное. Но ничего не помогало. А потом... — он замолчал, снова ощущая приступ жгучего стыда за своё безумие. — Потом у меня в голове... прозвучал голос. Чётко сказал: *«Польнь. Соль»*. И я, как полный идиот, сделал компресс. И это сработало. Раны затянулись прямо на глазах.

— Голос был его? — спокойно уточнил Смирнов, посмотрев в сторону кота.

— Да, — выдавил Кирилл. — Оказалось, он умеет... это.

Смирнов едва заметно кивнул, словно услышал именно то, что ожидал.

— Продолжай.

Кирилл несколько секунд молчал.

Он вдруг понял, что впервые рассказывает всё это вслух. Пока события сменяли друг друга, ему было некогда задумываться. Нужно было лечить, спасаться, принимать решения. Теперь же, складывая их в одну цепочку, он и сам начинал понимать, насколько безумно всё это звучит.

Если бы кто-нибудь рассказал подобную историю ему самому ещё три дня назад, он бы вежливо посоветовал обратиться к психиатру.

— Я остался с ним на ночь в клинике. И тут... — Кирилл глубоко вздохнул, чувствуя, как по спине снова пробегают мурашки. — Зазвонил колокольчик. Медный, старый. Его мне одна бабка подарила за то, что я её попугая вылечил. Он сам по себе зазвенел. А из зеркала в процедурной... — он замолчал, глотая воздух. — Из зеркала полезла... старуха. Страшная, древняя, с когтями и глазами-щёлочками. Она шипела, требовала отдать ей кота. Воздух стал ледяным, стекло покрылось инеем.

— Что ты почувствовал? — спросил Смирнов. Его голос был ровным, без тени эмоций. Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Кирилл растерялся.

Он ожидал расспросов о ведьме, зеркале, колокольчике, о магии — о чём угодно, кроме собственных ощущений.

Только сейчас он понял, что следователь собирает не просто рассказ. Он восстанавливает картину произошедшего так же, как хороший криминалист восстанавливает преступление по едва заметным следам.

— Страх. Дикий, животный страх. И... злость. Я только что его выходил, а она... — Кирилл сжал кулаки. — Я схватил первую попавшуюся вещь — УФ-лампу для лечения лишая — и ткнул ей светом прямо в рожу. В зеркало. Она завизжала... не голосом, а прямо в голове, и исчезла. А зеркало пошло трещинами.

— Уже потом я понял, что вообще не думал. Если бы рядом лежал табурет, я бы ударил табуретом, — добавил Кирилл.

Он выдохнул и откинулся на спинку стула, чувствуя себя выжатым. Рассказал. Всё, что казалось диким бредом, было выложено на стол между ними, как улики. Он с опаской посмотрел на Смирнова, ожидая насмешки, недоверия, чего угодно.

— Ты про это кому-нибудь рассказывал? — спросил Смирнов, с интересом глядя на Кирилла.

— Я не знал, что и подумать, — сказал Кирилл, сделав паузу и переводя дух. — Меня бы приняли за сумасшедшего, мне просто никто не поверил бы.

— На следующее утро, — продолжал Кирилл, — я всё ещё не мог прийти в себя. И когда в квартире объявился домовый по имени Мотя, сорвался. Вывалил ему всё — просто нужно было выговориться. Расскажи мне кто такое пару суток назад, я бы посчитал того сумасшедшим. А тут исповедуюсь не старому другу, а существу, в которое никогда не верил. Про кота, раны, голос в голове. Мотя поначалу паниковал. Твердил, что я порчу энергетику. Но стоило дойти до ведьмы... притих. Сказал, это серьёзно. Обещал переговорить со Старшим, который держит весь наш ЖК. Узнать, как защититься. Мол, у них там своя оборона.

Кирилл пожал плечами.

— Я, честно говоря, не очень поверил, что из этого что-то выйдет. Тогда мне казалось, что предел странностей уже достигнут. Как выяснилось, это было очень самонадеянно. А потом пришли вы...

Кирилл криво усмехнулся.

— И знаете... впервые за последние сутки мне кажется, что я всё-таки не схожу с ума.

Кирилл, пытаясь отдышаться после своего сбивчивого рассказа, смотрел на Смирнова с опаской, ожидая вердикта. Тот несколько секунд молча сидел, его пальцы бесшумно барабанили по столу, а взгляд был устремлён куда-то внутрь себя, будто он перебирал в уме обширную картотеку магических прецедентов.

— Любопытно, — наконец произнёс он, и его голос прозвучал глухо, словно из глубины колодца. — Крайне любопытно. Морозные ожоги низшего порядка, но нанесённые с заметной силой. Телепатический контакт с существом, находящимся в крайне ослабленном состоянии. Спонтанная активация артефакта-резонатора... — Он покачал головой, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на профессиональное любопытство. — И атака через зеркало. Прямолинейная, грубая, даже отчасти отчаянная. Не похоже на почерк опытной ведьмы.

Он посмотрел на Кирилла, и его взгляд снова приобрёл ясность и остроту.

— Ситуация, безусловно, неприятная. Но паниковать, а уж тем более собирать чемоданы и бежать в ночь, оснований нет. Это не криминал высшей лиги, Кирилл. Это... форменное безобразие. Наглое и опасное, но купируемое.

Кирилл даже растерялся. Он ожидал услышать что угодно: «смертельная опасность», «древнее зло», «немедленная эвакуация». Но никак не слово «безобразие».

Смирнов произнёс это почти с профессиональным раздражением врача, обнаружившего у пациента не смертельную болезнь, а запущенный, но вполне излечимый перелом.

Именно эта спокойная деловитость действовала лучше любых успокоительных слов.

Кирилл почувствовал, как с его плеч спадает тонна напряжения. Он почти физически ощутил, как воздух снова наполнился лёгкостью. Смирнов говорил с такой уверенностью, что в неё невозможно было не поверить.

— Однако, — следователь поднял указательный палец, — игнорировать подобные выпады тоже нельзя. Банальная профилактика ещё никому не вредила. Ты упомянул, что контактировал с местным домовым? Мотей, кажется?

Кирилл кивнул, несколько ошарашенный резкой сменой темы.

— Да... Он в панике был, говорил, что из-за колокольчика и кота у него вся энергетика в квартире пошла вразнос.

— Преувеличивает, конечно. Обычный домовый — паникёр, — Смирнов поморщился, но в его тоне сквозила скорее снисходительность, чем раздражение. — Но раз уж он сам вызвался помочь и пошёл на контакт со своим Старшим, было бы глупо не воспользоваться этим. Нам нужно узнать, что ему удалось выяснить. — Он откинулся на спинку стула, принимая решение. — Вызовем его. Послушаем, что он скажет.

Кирилл даже не сразу понял смысл сказанного.

Для него это прозвучало примерно так же естественно, как предложение вызвать участкового или сантехника. Он вдруг поймал себя на мысли, что начинает привыкать к невозможному.

Кирилл удивлённо моргнул.

— Позвонить ему? Но у него же нет телефона... Или я попросту его не знаю...

Смирнов посмотрел на него с лёгким удивлением, а затем снова с той самой отеческой снисходительностью, которая, казалось, стала его второй натурой в этом разговоре.

— Нет, Кирилл. Не позвонить. Позвать. Для существа, привязанного к месту, к комплексу домов вашего ЖК, как в его случае, голос того, кого это существо признаёт за старшего на своей территории, является прямым приказом к явке. А голос Следователя — ещё и безусловным. Сейчас явится... Если он, конечно, находится в пределах вверенной ему зоны. — Он усмехнулся. — Если же он удрал на рыбалку на Каму, то тут уж я временно бессилён.

Он сделал паузу, давая Кириллу осознать простоту и одновременно невероятность происходящего.

— Это один из базовых принципов взаимодействия с низшей магией. Они слышат не просто звук. Они слышат силу, вложенную в призыв. Авторитет. Ты пока не можешь этого сделать — твой голос для него просто вибрация воздуха. Но я — могу.

Смирнов обвёл взглядом комнату, словно проверяя, нет ли посторонних ушей, хотя кроме них и кота в квартире никого не было.

— Так что, если Мотя на посту, а не в самоволке, он явится. Будь готов. Иногда они заявляются не самым изящным образом. Из-под дивана, например. Любят эффектные появления.

Он подождал ещё мгновение, давая Кириллу подготовиться мысленно, а затем, не повышая голоса, не меняя интонации, чётко и весомо произнёс:

— Мотя. Ко мне.

Слова прозвучали негромко. Но Кириллу вдруг показалось, что сама квартира услышала приказ.

Воздух в студии замер на долю секунды, будто сам затаил дыхание в ожидании. И прежде чем Кирилл успел моргнуть, пространство у ножки стола слегка задрожало, будто размываясь в мареве летней жары. С лёгким хлопком, похожим на лопнувший пузырь, из ничего материализовался Мотя.

Он возник не из-за холодильника, а прямо посреди комнаты, приняв наспех парадную позу. При этом он так торопился принять строевой вид, что сначала вытянулся по стойке «смирно», а уже потом торопливо развернул козырёк бейсболки вперёд, словно только сейчас вспомнил, как должен выглядеть приличный домовый. К тому же его грудь была выпячена,

комбинезон застёгнут на все пуговицы, а в руках он сжимал блокнотик и карандаш, словно явился не по срочному вызову, а на плановую проверку. Но вся эта показная важность разбивалась о его глаза, в которых читался неподдельный страх, смешанный с благоговейным восторгом.

— Явился, товарищ... господин... гражданин начальник! — выпалил он, запинаясь и путая обращения. Его голос дрожал. — Домовой Мотя, по вашему экстренному вызову! На связи!

Смирнов медленно, с явной заинтересованностью на лице, обвёл его взглядом с ног до головы, задержавшись на развёрнутой на его глазах бейсболке и стоптанных кроссовках.

— Подслушивал, шельмец? — спросил он без предисловий, и его голос был ровным и негромким, но от этих слов Мотя вздрогнул, будто от удара током.

— Никак нет! — запищал он, отчаянно мотая головой. — Случайно подслушал! То есть не подслушал, а оказался в эфире! В рамках своего служебного долга по мониторингу энергопотоков во вверенной мне жилплощади! Кроме того, зафиксировал мощный запрос и счёл долгом явиться для оказания содействия!

Кирилл опешил от преобразования Моти. Из разбитного подростка, сыпавшего сленговыми словечками, он превратился в индивида, зазубрившего заповедь Петра I о том, что *«подчинённый перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство»*, и, что несомненно, неукоснительно применяющий эту заповедь на практике. Сам Мотя, судя по выражению лица, искренне считал подобное поведение вершиной профессионализма.

Смирнов фыркнул, но не стал развивать тему. Его молчание было красноречивее любых упрёков.

— Ладно. Доложи, что тебе удалось выяснить у твоего Старшего по поводу инцидента с проникновением через зеркало.

Мотя вытянулся в струнку, отчаянно пытаясь совладать с дрожью в руках.

— Так точно! Докладываю! — Мотя заглянул в блокнот. — После получения оперативного задания от местного... э-э-э... временно исполняющего обязанности ведьмака, — он кивнул в сторону Кирилла, стараясь придать своему голосу официальные нотки, — я немедленно вышел на связь со Старшим по микрорайону, домовым Силычем! Опытным ветераном! — Он сделал паузу, явно гордясь знакомством.

— И? — односложно подстегнул его Смирнов.

— И товарищ Силыч велел передать, что на вверенном ему объекте, а именно жилком комплексе «Арсенал», установлена многоуровневая защита от подобных внешних несанкционированных проникновений! — Мотя выпалил это на одном дыхании. — Совместно с другими домовыми-ветеранами! И что он лично не допустит, чтобы какая-то... — он снова заглянул в блокнот, — болотная рвань озоровала на его территории! Пусть только сунется!

При слове «ветеранами» грудь Моти раздулась ещё сильнее, будто сам он уже состоял в их славном строю.

Закончив доклад, он выдохнул и посмотрел на Смирнова с выражением школьника, только что сдавшего зачёт строгому учителю. Вся его поза кричала: «Я молодец? Я справился?» Было видно, что он не просто передаёт информацию — он отчаянно пытается произвести впечатление на большого начальника, показать свою значимость и полезность.

Смирнов выслушал его, не меняя выражения лица. Кирилл поймал себя на мысли, что сам он, слушая этот комедийный доклад, впервые за весь день почувствовал что-то похожее на облегчение. Слова «многоуровневая защита» и «ветераны» звучали обнадеживающе, даже произнесённые таким комичным существом.

Смирнов несколько секунд молча рассматривал Мотю, который под этим взглядом начал понемногу сдуваться, как воздушный шарик. Важность с него сходила, оставляя лишь робкую надежду на одобрение.

— Ладно, — наконец произнёс следователь, и в его голосе не было ни похвалы, ни порицания, лишь сухая констатация факта. — С заданием справился. Доклад принят. Свободен.

Он махнул рукой, словно отмахиваясь от надоедливой мухи. Но затем, словно вспомнив что-то, добавил, уже не глядя на домового, уставившись в свою пустую чашку:

— Чай с временно исполняющим обязанности ведьмака попьёшь в другой раз. Сейчас мы заняты. Не мешай.

Эти слова прозвучали как окончательный и бесповоротный приговор. Мотя замер на мгновение, его лицо подростка отразило целую гамму чувств: разочарование от того, что его так быстро спроваживают, лёгкую обиду на отказ в чае и одновременно — огромное облегчение от того, что его наконец-то отпускают из-под пристального взгляда этого пугающего ведьмака.

— Так точно! Приказ понял! Не мешать! — выпалил он, отскакивая на шаг назад и неуклюже щёлкая каблуками своих кроссовок. — В другой раз так в другой раз! Я тогда... я пойду. Энергопоток проверить. Воздух почистить. — Он засуетился с таким видом, будто прямо сейчас весь жилой комплекс рисковал остаться без присмотра именно из-за его задержки.

Он отступил ещё на шаг, пространство вокруг него снова заколебалось, будто затягиваясь лёгкой дымкой. Он кивнул сначала Смирнову, потом Кириллу, и в этом кивке была какая-то смешная попытка сохранить достоинство.

— Счастливого оставаться, граждане! — напоследок бросил он в сторону Смирнова и Кирилла и наконец растворился в воздухе так же внезапно, как и появился, оставив после себя лишь лёгкий запах пыли и затихающие, как радиопомехи, ощущения его присутствия.

Кирилл ещё несколько секунд смотрел на то место, где только что стоял домовый. Кажется, он окончательно перестал удивляться подобным исчезновениям. И это почему-то удивляло его самого.

В комнате воцарилась тишина. Исчезновение Моти было таким же нелепым и внезапным, как и его появление.

«Наглядный пример эффективности бюрократии, — прозвучал в голове Кирилла сухой комментарий Никлауса. — Один визит начальства — следователя Департамента — и буйный дух превращается в рапортующего менеджера. Поучительно.»

Напряжение, висевшее в воздухе с момента прихода Смирнова, наконец-то спало, сменившись усталой опустошённостью. Самое трудное для Кирилла — рассказать обо всём, не опасаясь, что тебя сочтут безумцем, — уже закончилось. Его выслушали. Ему поверили. Более того — его проблему восприняли как решаемую, почти бытовую.

Он посмотрел на Смирнова. Тот сидел всё в той же позе, его лицо было задумчивым. Казалось, он уже мысленно проставил галочку напротив пункта «выяснить обстановку с местными духами» и перешёл к следующему пункту своего внутреннего плана. Его спокойствие было заразительным. Никакой паники, никакой суеты. Профессионал на работе. Теперь Кирилл понимал, почему рядом с ним даже Никлаус предпочитал не являться без необходимости.

Он вдруг осознал, что впервые за последние сутки мышцы его плеч и спины полностью расслабились. Он не был один. И, пожалуй, именно это сейчас значило для него больше всего. Рядом был тот, кто знал, что делать. И это приносило почти физическое облегчение, слабую, но настоящую улыбку на его озабоченное лицо.

Глава 6. Приговор ведьме и подземное капище

— Хорошо, — начал Смирнов, и его голос приобрёл новые, лекционные нотки. — Теперь, когда мы установили все факты, давай разберёмся с юридической стороной вопроса. Ибо без этого любое наше действие будет не решением, а самосудом. А мы — не самозванцы. Мы — закон.

Он сделал паузу, давая этим словам прочно засесть в сознании Кирилла.

Кирилл поймал себя на неожиданной мысли.

До этой минуты магия представлялась ему чем-то стихийным: ведьмы, заклинания, древние артефакты — каждый сам за себя.

Но человек, сидевший напротив, говорил о ней так же спокойно и деловито, как опытный юрист говорит о статьях закона.

И именно это почему-то поражало сильнее всего.

— Итак, предмет разбирательства: попытка несанкционированного проникновения в помещение с применением магических средств, запугивание и попытка похищения имущества. В данном случае — кота. Обвиняемая: особа женского пола, предположительно ведьма. Ключевой момент: её мотивация и... статус жертвы.

Смирнов поднял палец.

— Вот смотри. Если бы ты был обычным человеком, а она явилась к тебе вот так, в своём истинном облике, пугая тебя до полусмерти, — это был бы чистый, стопроцентный криминал. Статья, если переводить на человеческий язык, называлась бы «Разглашение тайны магического мира с причинением имущественного и морального вреда». Потому что один такой случай — это сказка, анекдот. Но если таких случаев десятки, сотни — у людей начинается паника, крестовые походы, охота на ведьм. Нарушается хрупкий баланс, который наш Департамент призван охранять. За это Хранители карают быстро и жестоко. Уголовного кодекса в привычном тебе понимании у нас нет. Есть свод правил, негласных, но оттого не менее железных. Мы называем его Поконом. И следим за его соблюдением.

Он внимательно посмотрел на Кирилла, проверяя, усваивает ли тот информацию.

— Но. Ты — не человек. Ты — сын следователя. В тебе пробудилась сила, пусть и неоформленная. Ты — ведьмак. А значит, её действия попадают уже под другую категорию. Магические существа имеют право выяснять отношения между собой. Драки, похищения, даже убийства — всё это часто остаётся внутренними разборками кланов, ковенных, советов старейшин. Мы вмешиваемся, только если это нарушает общий Покон или угрожает раскрытием. Ты не пострадал физически. Более того, ты дал ей достойный отпор. — В глазах Смирнова мелькнуло одобрение. — Ультрафиолетовая лампа... остроумно. Она теперь, уверен, зализывает раны. И ей явно не до тебя.

Он тяжело вздохнул.

— Так что состава для серьезного уголовного дела тут нет. Но! — Он снова поднял палец. — Вламываясь к тебе, она не знала, кто ты. Она шла на обычного человека. А это — покушение на преступление. Пусть и сорвавшееся. Для нас это как мелкое хулиганство, у людей — чистая административка. И её я, как старший следователь по региону, имею полное право решить на месте. Своей властью.

Смирнов выдержал эффектную паузу.

— Приговор: три месяца исправительных работ в виде уборки помещений Пермского отдела Магического Следственного Департамента. Без оплаты, разумеется. — Он усмехнулся. — Мы поэтому и уборщицу никогда не нанимаем — всегда есть кого привлечь к общественно полезному труду. Будет мыть полы, вытирать пыль с архивных полок. Сама или с помощью

своих прислужников — неважно. Стыда она, конечно, не почувствует, но среди своих товаров станет посмешищем. И это — хорошая наука на будущее.

Он посмотрел на Кирилла, оценивая реакцию.

Кирилл невольно представил себе мрачную ведьму со шваброй в руках, яростно драющую полы какого-нибудь древнего магического учреждения.

Картина получилась настолько неожиданной, что он едва удержался от улыбки.

Мир, в котором существовали ведьмы, говорящие коты и древние законы, внезапно оказался ещё и удивительно... бюрократичным.

— Кроме того, ей будет официально разъяснено, что ты отныне находишься под моей личной защитой. И что любая попытка мести или продолжения её «озорства» будет уже нанесением мне личной обиды. Интерес к тебе она утратит мгновенно.

Смирнов закончил с юридическим ликбезом и тут же, без паузы, перешёл к оперативной части. Его мышление напоминало отлаженный механизм: диагноз поставлен — назначаем лечение.

— Осталось решить два практических вопроса, — его голос снова стал жёстким и деловым. — Найти эту фурию и утилизировать заражённый источник. То самое зеркало.

Кирилл насторожился. Мысль о том, что треснувшее зеркало всё ещё находится в клинике, вызывала у него лёгкую тошноту.

— Искать её силами Департамента — значит оказать ей слишком большую честь, — с презрением заметил Смирнов. — Пусть этим займутся свои же. Я направлю официальный запрос главам местных ковенов. — Он заметил вопросительный взгляд Кирилла и пояснил: — Ковен — это ведьмовская община. Их старейшины будут не в восторге. Никто не любит, когда твои подопечные творят глупости и привлекают внимание следствия. Чтобы избежать коллективной ответственности за дурной надзор, они сами вывернут нарушительницу наизнанку, лишь бы сдать её мне и отделаться лёгким испугом.

Он помолчал, обдумывая следующий шаг.

— Но для этого им нужен будет отпечаток её магической ауры. Уверен, после такой атаки он остался на том самом зеркале. Его нужно будет предоставить ведьмам для экспертизы. Но держать артефакт с такой концентрацией негатива в людском месте — клинике, а уж тем более у себя дома — категорически нельзя. Его нужно утилизировать. Правильно утилизировать.

Он посмотрел на Кирилла с внезапной хитровой ухмылкой, словно собираясь открыть какой-то секрет.

— Ты, я смотрю, коренной пермяк. Скажи, а слышал ли ты что-нибудь про подземелья под центром города? Про всякие легенды о подвалах и ходах?

Кирилл смущённо пожал плечами.

Он вдруг поймал себя на мысли, что впервые в жизни слушает городские легенды не как сказки, а как служебную информацию.

От этого по спине пробежал холодок.

— Ну, рассказывали, конечно... в детстве. Но я всегда думал, что это просто байки. Страшилки для туристов.

— Так и задумано, — кивнул Смирнов. — Чем невероятнее слух, тем проще спрятать за ним правду. Люди сами отмахиваются от неё, считая сказкой. А новые входы, которые иногда пробиваются, мы оперативно прикрываем магическими завесами. Один из таких старых, надёжно «занавешенных» входов находится рядом с Соборной площадью. Он ведёт в древнее капище Чернобога. Очень мерзостное, я тебе скажу, место. Скопище самой что ни на есть тёмной, негативной энергии. Идеальный полигон для утилизации подобных пакостей.

Он выдержал паузу, чтобы следующий приказ прозвучал максимально чётко.

Кирилл невольно отметил, что слово «приказ» сейчас подходило Смирнову гораздо больше, чем слово «совет».

— Вот наш план. В понедельник, после окончания рабочего дня, я встречу тебя у клиники. Ты предварительно должен аккуратно упаковать это зеркало — ни в коем случае не в полиэтилен, он только усугубит проблемы, лучше в старую хлопковую наволочку, — и отвезём его в то капище. Оставим там. Я сообщу ведьмам, где искать их «улику». А уж концентрация негатива в том месте такова, что месяцев через шесть от твоего зеркала останется лишь безвредная пыль. Оно самоуничтожится.

Смирнов посмотрел на Кирилла, проверяя, понимает ли тот всю цепочку.

— До вечера же, пока зеркало находится у тебя, его необходимо изолировать. Та же наволочка подойдёт. Но запомни: после того, как мы его отвезём, эту ткань нельзя будет возвращать домой. Там же её и оставим. Всё ясно?

Смирнов закончил излагать свой чёткий, почти военный план и замолчал, дав Кириллу время переварить услышанное. В воздухе повисла тяжёлая, но на удивление деловая тишина. Казалось, самый страшный и иррациональный страх — перед неизвестностью — был разобран по полочкам, разложен на составляющие и превращён в список задач, которые предстояло выполнить. И это приносило странное, почти бюрократическое облегчение.

Смирнов наблюдал за ним, и в его глазах читалось не ожидание, а скорее профессиональная оценка — как новобранец справляется с поставленной задачей.

— Вопросы по плану действий есть? — наконец спросил он. Его тон ясно давал понять, что возражения не принимаются, но уточнения приветствуются.

Кирилл задумался и через мгновение осознал, что действительно ищет в плане слабые места, словно речь шла не о ведьме и древнем капище, а об обычной рабочей задаче.

Наверное, именно так и действовало спокойствие Смирнова — оно заставляло перестать паниковать и начинать думать.

Кирилл медленно покачал головой. План был пугающим, странным, пахнущим серой и древностью, но он был. И это было главное.

— Нет... вроде всё понятно, — тихо произнёс он. — Зеркало, наволочка, капище... Всё ясно.

— Хорошо, — кивнул Смирнов, и его поза наконец-то расслабилась на миллиметр. Деловая часть была окончена. Теперь он откинулся на спинку стула, и его взгляд стал менее пронзительным, более человеческим. — Тогда, раз уж мы закончили с официальной частью... Ты хотел узнать про кота. Готов рассказать, что знаю. Но сначала, — он потянулся, и его кости хрустнули с тихим скрипом, — предлагаю подкрепиться. Мой внутренний хронометр подсказывает, что уже давно полдень. А на голодный желудок и истории рассказываются не так, и воспринимаются хуже.

Кирилл вдруг с острой ясностью осознал, что последний раз он ел вчера вечером и с тех пор его желудок напоминал о себе лишь тупым, приглушённым нытьём, заглушённым адреналином. Мысль о еде прозвучала как спасательный круг, возвращающий к простой, понятной реальности.

— Я... я не против, — с некоторой растерянностью произнёс он, окидывая взглядом свою скромную кухню. — Но я сегодня ещё не был в магазине. Если честно, с тех пор как всё это началось, мне было не до того. — Он с горькой усмешкой махнул рукой в сторону холодильника. — Из чего-то существенного там осталась только та самая курица, которую не доел Его Высочество. — Он кивнул на Никлауса.

Кот, услышав упоминание о себе и о еде, немедленно прекратил демонстративное умывание и издал громкое, требовательное:

— Мрррау?

В котором явственно читался вопрос: *«И что же мы будем есть?»*

Смирнов фыркнул, следя за этой немой сценой.

— В двадцать первом веке живём, Кирилл. Цивилизация давно придумала выход из таких ситуаций. — Он достал из внутреннего кармана пиджака не какой-нибудь магический артефакт, а самый обычный, хоть и дорогой, смартфон.

— Вызовем доставку. Считай, что я тебя угощаю. За знакомство.

Эта простая фраза неожиданно окончательно разрушила напряжение.

Перед Кириллом сидел уже не грозный следователь Магического Следственного Департамента, а усталый человек, который после долгого дня просто хотел нормально поесть.

— Выбор оставь мне, — улыбнулся Смирнов и стал оформлять заказ, а Кирилл наконец получил психологическую передышку. Информация переполняла его и плескалась, начинаясь от ступней ног и доходя до бровей.

Смирнов легко нашёл нужное приложение, его пальцы привычно заскользили по экрану.

— Солянка, салат «Цезарь», эскалоп с овощами и картофелем по-деревенски... — про-бормотал он, заказывая еду из ближайшего кафе, расположенного, кстати, на первом этаже их же дома.

И в этот момент в голове у Кирилла раздался ясный, наполненный самым искренним энтузиазмом мысленный голос:

«Рыба! Мне нужна рыба! Красная! Жирная! И чтобы без костей! И молоко! Но не пастеризованное, а настоящее, из-под коровы!»

Никлаус подошёл к столу, уселся на пол и уставился на Смирнова своими изумрудными глазами, полными неподдельного интереса и гастрономической надежды. Казалось, он вот-вот начнёт тыкать лапой в голографическое меню, которое видел только он один.

— А для его высочества... — Смирнов переключился в другое приложение — известный магазин «Пятёрочка». — Лосось, стейк охлаждённый. И пакет деревенского молока. С доставкой на дом.

Кирилл лишь молча наблюдал за этим сюрреалистичным обыденным действием. Маг и следователь, только что говоривший о древних капищах и законах мироздания, теперь заказывал доставку еды, как любой смертный офисный работник. Контраст сводил с ума.

Глава 7. Когда оживают легенды

Не прошло и пятнадцати минут, как раздался звонок в домофон. Почти одновременно явились два доставщика — один с аккуратным пакетом из кафе, другой — на самокате с полиэтиленовым пакетом из магазина. Смирнов расплатился наличными, отсылая курьеров, и водрузил добычу на стол.

Запахи тут же наполнили студию, и Кирилл почувствовал, как у него слюнки потекли. Он достал тарелки, принялся раскладывать еду. Но когда очередь дошла до кота, возникла заминка. Кирилл по привычке потянулся за старой газетой, чтобы постелить её на пол.

Раздалось громкое, оскорблённое фыркание.

«*Ты серьёзно?* — прозвучал в голове ледяной, полный презрения мысленный голос Никлауса. — *После всего услышанного ты предлагаешь мне трапезничать на пожелтевшей бумаге с рекламой шаурмы? Это не просто унижительно. Это — вандализм по отношению к сёмге, пусть и не высшего качества.*»

Кирилл замер с газетой в руках, чувствуя себя идиотом.

Где-то в глубине души мелькнула совершенно нелепая мысль: похоже, ещё несколько дней назад он счёл бы разговоры о кошачьем этикете признаком безумия.

Теперь же спорил исключительно о форме подачи лосося.

— Ну, извини, — пробормотал он вслух. — У меня пока нет специальных кошачьих тарелок.

Никлаус сел и демонстративно отвернулся от аппетитного куска рыбы, лежавшего в пакете. Вид у него был такой, будто ему предложили пообедать в общественном сортире.

Кирилл, краснея под насмешливым взглядом Смирнова, лихорадочно оглядел квартиру. Его взгляд упал на полку, где стоял новенький, ещё ни разу не использованный сервировочный поднос — подарок от коллег по клинике на новоселье. На его поверхности была выгравирована надпись: «Нашему лучшему ветеринару!»

С вздохом он снял его, неторопливо, нарочито показывая весь процесс Никлаусу, водрузил на него стейк лосося.

— На, князь, — сдавленно сказал он, ставя поднос перед котом. — Временное решение. Обещаю, как только разберёмся со всеми делами, сразу поедем в зоомагазин и купим тебе самую навороченную, самую эргономичную миску, какую только найдём. Чтобы и рыба не скользила, и усы не задевали. Договорились?

Никлаус снисходительно обернулся, оценивающе посмотрел на поднос и наконец, с видом монарха, принимающего дань от вассала, приступил к трапезе. Довольное урчание подтвердило, что условия приняты.

Смирнов, наблюдавший за этой сценой, фыркнул и принялся за свою солянку.

Трапеза началась почти в полном молчании. Его нарушали лишь звон столовых приборов да бархатное урчание Никлауса, с явным удовольствием поглощавшего свой лососевый стейк. Кирилл впервые за последние сутки по-настоящему ощутил голод и набросился на еду с почти животной жадностью. Солянка была наваристой и острой, эскалоп — идеально прожаренным, картошка хрустела. Это была простая, понятная, земная радость, и он цеплялся за неё, как утопающий за соломинку, пытаясь вытеснить ею хаос, поселившийся в его голове.

Смирнов ел методично и сосредоточенно, словно выполнял важную, но рутинную работу. Он не пытался заполнить тишину пустой болтовнёй. Лишь изредка, откладывая вилку, делал нейтральные комментарии, больше похожие на мысли вслух:

— Картошка хороша. Видно, на свежем масле жарили. Редкость для общепита.

Или, попробовав солянку:

— Оливки, правда, не очень. Консервантом отдаёт. Но в целом — сносно.

Эти замечания были такими обыденными, такими человеческими, что окончательно сбивали Кирилла с толку. Этот человек только что говорил о древних капищах и магическом правосудии, а теперь с одинаковой серьёзностью рассуждал о качестве оливок в солянке. Казалось, для него не существовало границы между мирами — всё было просто частью одного, подчас нелепого, бытия.

Кирилл пытался подхватить этот бытовой тон, но его собственные реплики выходили скомканными и неестественными.

— Да... вкусно, — бурчал он, откусывая приличный кусок хлеба.

— Ага, — односложно соглашался Смирнов, и снова наступала тишина.

И эта тишина почему-то совсем не казалась неловкой.

Скорее, каждый из них молча приводил мысли в порядок после всего, что произошло за последние сутки.

Никлаус, в отличие от них, не молчал. Закончив с рыбой и принявшись вылизывать молоко из блюда, которое Кирилл в итоге ему всё-таки предоставил, он мысленно комментировал процесс.

«Недурственно. Хотя и уступает тому лососю, что мне подавали при дворе Екатерины Великой. Но для местного магазина — более чем достойно.»

Кирилл лишь покосился на него, не в силах даже мысленно парировать. Ему хватало сил только жевать и слушать.

Эта немного странная, немного натянутая трапеза длилась минут пятнадцать. Когда последний кусок хлеба был доеден, а с блюда Никлауса исчезла последняя капля молока, Смирнов отодвинул от себя тарелку, сложил салфетку и посмотрел на Кирилла. В его взгляде снова появилась та самая деловая хватка, что была до еды. Перерыв окончен.

— Ну что, — произнёс он, — подкрепились. Теперь можно и о высоком поговорить. Заварим-ка чайку. Без него разговоры о вечном как-то не то.

Он встал, подошёл к электрическому чайнику и включил его. Шум закипающей воды заполнил комнату, нарушая тишину. Кирилл, чувствуя себя обязанным, засуетился, доставая из шкафа две простые кружки и пачку дешёвого пакетированного чая «Принцесса Нури». Он чувствовал себя неловко из-за такой скромности перед важным гостем, но Смирнов, кажется, не придал этому никакого значения.

Когда кипяток был разлит по кружкам и в них погрузились тёмные пакетики, окрашивая воду в бледно-коричневый цвет, Смирнов устроился поудобнее. Он подышал на горячий чай, посмотрел на расплывающееся пятно запотевания на столе, и его взгляд стал тяжёлым, задумчивым.

— Скажи-ка, Кирилл, — начал он неторопливо, — ты, конечно, человек образованный. Наверняка в детстве сказки читал. Вспомни-ка... «У лукоморья дуб зелёный...» Что там дальше было?

Кирилл смотрел на него, не понимая, к чему клонится эта беседа.

— Ну... «Златая цепь на дубе том...» — неуверенно начал он.

— Именно, — кивнул Смирнов. — «И днём и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом». А ещё был такой... Кот-Баюн, кажется? Сказки рассказывал, людей в сон клонил.

— Ну да, — Кирилл почувствовал лёгкое недоумение. — Первый — Пушкин, второй — народный фольклор. При чём тут это?

Он ещё не знал, что именно с этой минуты привычные школьные знания начнут рассыпаться, уступая место совсем другой истории человечества.

Смирнов улыбнулся какой-то своей, внутренней улыбкой — невесёлой и усталой.

— А при том, что это и есть наша работа. Технология сокрытия. Самая надёжная в мире. — Он отхлебнул чаю и поморщился — видимо, «Принцесса Нури» точно была не лучшим выбором. — Видишь ли, любая утечка информации из нашего мира в человеческий — это

ЧП различного масштаба. Но полностью остановить её невозможно. Знания, слухи, обрывки правды — они просачиваются. Как вода сквозь каменистую почву, по чуть-чуть. И самое опасное — это когда правда звучит прямо и недвусмысленно. Это пугает. Это вызывает панику. Люди начинают искать виноватых, жечь костры и ведьм, устраивать крестовые походы.

Он сделал паузу, давая Кириллу осознать сказанное.

— Поэтому был разработан... скажем так, «протокол». Любая прорвавшаяся правда немедленно облекается в форму абсурдной, нелепой, сказочной истории. Кто поверит в говорящего кота, который ходит по цепи и песни поёт? Никто. Это же смешно. Это — сказка для детей. Так правда превращается в безопасный культурный мусор. В миф. В анекдот. И перестаёт быть опасной.

Смирнов посмотрел прямо на Кирилла, и в его глазах не было ни намёка на шутку.

— Так вот. Кот учёный, Кот Баюн, ирландский Ирусан, египетская Бастет — это всё он. — Он кивнул в сторону Никлауса, который, услышав своё имя в столь почётном контексте, прекратил вылизывать лапу и с достоинством выпрямился. — Вон он, сидит и усы поправляет. Очень древнее и очень могущественное магическое существо. И он никаким боком не должен был оказаться в твоей квартире, Кирилл.

Кирилл сидел, сжимая в ладонях тёплую кружку с чаем, и чувствовал, как у него под ложечкой холодеет. Слова Смирнова висели в воздухе — тяжёлые и неоспоримые, как приговор. Он смотрел на Никлауса, на этого чёрного, умывающегося на подоконнике кота, и его мозг отчаянно пытался соединить несоединимое: привычный образ из детских сказок и... это.

— Подождите, — голос его сорвался, стал сиплым. — Вы хотите сказать, что этот... этот «кот учёный»... он настоящий? Не метафора, не сказка, а... вот он?

Смирнов кивнул, его лицо было серьёзным.

— Самый что ни на есть настоящий. Только его настоящая функция несколько... глобальнее, чем в стихах. Он — живое хранилище. Концентратор знаний. Всех знаний, которые когда-либо были, есть и, возможно, будут. — Он сделал паузу, чтобы дать этим словам прочно осесть в сознании Кирилла.

— Представь себе Александрийскую библиотеку, Библиотеку Конгресса США, все архивы мира, все научные труды, все утерянные манускрипты и ещё не написанные диссертации. Всё это — он. В одной мохнатой голове. И, поверь мне, места там хватает.

Кирилл почувствовал лёгкое головокружение. Он посмотрел на Никлауса, который в этот момент с аристократической неловкостью пытался поймать собственный хвост. Выглядело это... не слишком убедительно для ходячей энциклопедии.

— Но... как? Зачем? — выдавил он.

— Зачем? — Смирнов усмехнулся. — Чтобы знать. Чтобы помнить. Чтобы в нужный момент подсказать. Он — один из инструментов Хранителя Знаний. Того самого, кто решает, готово ли человечество к тому или иному открытию. Почему, думаешь, порох изобрели в Китае, а не в Риме? Почему ядерную реакцию расщепления открыли в двадцатом веке, а не в восемнадцатом? Всё не просто так. Всё — по плану. И его высочество, — он кивнул на кота, — часто оказывается рядом с теми, кому суждено этот план... прочувствовать. Ломоносов, Менделеев, Кюри... этот список длинный.

Он отхлебнул чаю, снова поморщился и поставил кружку на стол.

— Лично я его видел трижды. В восемнадцатом веке — у Ломоносова. Тот тогда как раз с формулами баловался. В девятнадцатом — у Менделеева. Этому во сне таблица привиделась, а кто, думаешь, нашептал? — Смирнов хитро подмигнул. — И вот теперь — здесь. У тебя.

Кирилл молчал. Его мир, и без того перевёрнутый с ног на голову, теперь и вовсе летел в тартарары. Он был ветеринаром. Он лечил кошек от лишая и глистов. А не сидел на кухне с древним артефактом мироздания.

— Но почему у меня? — наконец выдохнул он. — Я же не... не Ломоносов.

— Вот это, — Смирнов стал серьёзен, — и есть самый интересный вопрос. Потому что так быть не должно. Он попадает только к избранным. К тем, кому предначертано совершить прорыв. А ты... — следовательно развёл руками. — Ты, прости, пока даже ведьмак недоделанный. Что-то пошло не по плану.

Он облокотился на стол, его голос стал тише, доверительнее.

— У таких существ, как он, тоже бывают... циклы. Перерождения. Смена эпох, хозяев. И в моменты этих переходов они крайне уязвимы. Я почти уверен, что та ведьма, которая к тебе явилась, не с бухты-барахты охотилась за котом. Она знала, когда и где он будет слаб. И она почти преуспела. Судя по тому, что он ничего не помнит, её вмешательство сбило все его «настройки». Вместо того чтобы оказаться у нового... ну, скажем, «гения», он материализовался здесь. В твоей ветклинике. В виде раненого животного.

Смирнов тяжело вздохнул.

— Рано или поздно Хранитель всё поправит. Память к нему вернётся. Но когда это случится... — Он посмотрел на Кирилла с лёгкой жалостью. — Он уйдёт. К тому, кому предназначен. Ведьмаки, при всём уважении, редко становятся великими учёными или первооткрывателями. Наша стезя — другая. Теневая. Итак, наслаждайся, пока он тут. — Он снова усмехнулся. — Уникальный шанс пообщаться с живой историей.

Смирнов откинулся на спинку стула, его рассказ повис в воздухе густым, почти осязаемым облаком невероятного. Кирилл сидел, вперившись взглядом в Никлауса, который, словно чувствуя себя центром вселенной, с невозмутимым видом вылизывал лапу, выгибая её в немыслимом ракурсе. Живая история. Инструмент Хранителя Знаний. И всё это — в его скромной пермской студии. От этой мысли сознание упрямо соскальзывало, как с отполированного льда.

— Но... что теперь? — наконец выдавил Кирилл, чувствуя, как его голос звучит глухо и отчуждённо, будто доносясь из соседней комнаты. — Если он такой важный... разве его исчезновение не заметили? Тот самый... Хранитель?

Он впервые подумал не о себе.

Если всё сказанное — правда, то рядом с ним сейчас находится существо, от которого, возможно, когда-то зависела история всего человечества.

Смирнов тяжело вздохнул, и на его усталом лице появилось выражение, с которым физик-ядерщик может смотреть на студента, спросившего, почему бы просто не сделать атомную бомбу «попроще».

— Время для таких сущностей, Кирилл, течёт иначе. Для них столетие — может быть, то, что для нас минута. Они мыслят другими категориями. Возможно, Хранитель уже заметил аномалию и корректирует планы. А возможно, для него это всего лишь миг, и он даже не взглянул в нашу сторону. Мы — муравьи в их муравейнике. Интересно, но не критично. Рано или поздно с системой произойдёт самовыравнивание. Память вернётся к коту, и он отправится туда, куда должен был. — Он пожал плечами. — Вопрос лишь в том, когда это произойдёт. И что мы успеем узнать до этого момента.

Он помолчал, давая Кириллу понять всю тщетность попыток повлиять на этот процесс.

— Но это не значит, что мы ничего не можем сделать. Как раз наоборот. Тот инцидент с ведьмой — это наша точка входа. Она знала слишком много. Значит, у неё есть источник информации. Или она — часть чего-то большего. Мы её найдём через ковен, вынесем приговор, и в процессе выясним, что же именно произошло и почему кот оказался здесь. Эта информация будет полезна и Департаменту, и, возможно, даже самому Хранителю. Если, конечно, он сообразовит её принять.

Смирнов снова посмотрел на Никлауса, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на профессиональное любопытство.

— И ещё один момент. Ты теперь не просто Кирилл Орлов, ветеринар. Ты — временный хранитель уникального артефакта вселенского масштаба. Эта новость не останется тайной. Домовые уже в курсе. А домовые — самые болтливые существа во всём магическом мире. Для них это как... ну, как если бы в вашем ЖК «Арсенал» поселился всемирно известный рок-музыкант. Повод для бесконечной гордости и сплетен. Они уже вовсю треплются с домовыми из соседних домов, те — со своими, и так далее. Скоро о твоём новом «питомце» будет знать вся магическая Пермь, а там, глядишь, и до Москвы дойдёт.

Он произнёс это без особой тревоги, скорее как констатацию неизбежного факта.

— Так что готовься к повышенному вниманию. К тебе теперь могут заглянуть «на огонёк» самые разные... любопытствующие. Не все из них будут дружелюбны. Но теперь ты под моей защитой. И это многих охладит.

Смирнов закончил свой монолог и снова принялся за остывший чай, сделав гримасу. Казалось, он только что расписал план действий на ближайшую пятилетку, а не обсудил судьбу сущности вселенского масштаба.

В голове Кирилла вдруг прозвучал голос, полный неподдельного, почти детского восхищения и гордости:

«Слышал? Я — всемирно известный рок-музыкант. А ты — мой временный фанат. Так что с мисочкой не тяни, а то я могу уйти в другой коллектив. К Менделееву, например. Он раньше неплохо закусывал.»

Кирилл даже не нашёлся, что ответить на эту мысленную тираду. Он просто сидел и смотрел на кота, на его хитрую, довольную морду и на этого очень важного ведьмака напротив, который говорил о муравейниках и вселенских планах. Абсурд происходящего достиг такого накала, что его мозг в конце концов сдался и просто принял это как данность. Да, кот — библиотека. Да, за ним охотились. Да, теперь о нём узнает весь магический мир. Бывает.

— Понятно, — хрипло сказал он, и это было единственное, что он смог из себя выдать.

Смирнов кивнул, словно услышал именно тот ответ, которого ожидал.

— Вот и славно. А теперь, — он отпил последний глоток чая и с отвращением поставил кружку, — мне пора. Дела ждут. В понедельник вечером, в шесть, у твоей клиники. Не опаздывай. Зеркало, наволочка. — Он поднялся, поправил пиджак. — И не забудь про его миску. А то он и правда может уйти к Менделееву. Тот, кстати, водку уважал. Не лучшая компания для нашего кота.

Уже взявшись за дверную ручку, Смирнов вдруг помедлил и, не оборачиваясь, произнёс:

— Завтра отдыхай от переживаний, а я ведьмами займусь. Как говорится, «накручу им хвоста», чтобы вечером в понедельник они уже начали работу по поиску товарки.

Старший следователь направился к выходу, оставляя за собой запах невероятных историй и ощущение полной, абсолютной не реалистичности происходящего.

Кирилл машинально проводил его взглядом.

Вместе с этим человеком из квартиры словно уходил стержень. Та самая железобетонная, зрелая уверенность: любую проблему можно разобрать на части и решить.

Глава 8. Выбор крови

Смирнов уже взялся за ручку двери, его фигура отбрасывала длинную тень в прихожей, когда Кирилл, будто очнувшись от столбняка, резко поднял голову.

— Николай Петрович! — его голос прозвучал громче и твёрже, чем он ожидал.

Смирнов обернулся на пороге, одна бровь вопросительно поползла вверх. В его позе не было нетерпения, лишь лёгкое, привычное ожидание. Он словно знал, что этот момент наступит.

— Да, Кирилл? У тебя ещё какой-то вопрос?

Кирилл встал. Ладони у него были влажными, а в груди колотилось что-то тяжёлое и горячее, вытесняя остатки страха и нерешительности. Он сделал шаг вперёд, навстречу этому взгляду, в котором читалась вся тяжесть опыта нескольких столетий жизни.

— Я... я подумал. О том выборе, что вы мне предложили. — Он сглотнул, собираясь с мыслями, стараясь говорить чётко, без дрожи. — Стать человеком... с маленькой силой, но без всех этих... рисков. Или стать тем, кем должен был стать.

Он выдохнул и посмотрел Смирнову прямо в глаза.

— Я выбираю свой род. Я буду ведьмаком. Как мой отец.

Произнеся эти слова, Кирилл почувствовал странное спокойствие. Будто решение было принято не сейчас, а давным-давно и только ждало момента, когда его наконец произнесут вслух.

— Я готов пройти эту инициацию. Принять всё, что с этим связано.

Он сделал паузу, чувствуя, как по его спине бегут мурашки — не от страха, а от осознания произнесённого вслух решения.

— Стану ли я следователем... я не знаю. Двести лет службы... это серьёзно. Мне нужно время, чтобы понять, готов ли я на такое. Но стать ведьмаком — я готов. Окончательно и бесповоротно.

Тишина в студии стала плотной, звонкой. Даже Никлаус перестал дремать и уставился на них обоих своими изумрудными глазами, словно наблюдая за историческим моментом.

Смирнов не ответил сразу. Он медленно кивнул, и на его жёстком лице появилось выражение глубокого, почти отцовского удовлетворения. В его глазах не было ни тени удивления.

— Я, в общем-то, не сомневался, что твой выбор будет именно таким, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал как-то по-домашнему тепло, без признаков какой-либо насмешки. — Кровь есть кровь. Она всегда возьмёт своё. — Он сделал шаг навстречу, снова войдя в комнату. — Рад, что ты принял решение осознанно, не под влиянием сиюминутного страха или эйфории.

Он сложил руки на груди, его взгляд стал оценивающим, профессиональным.

— Но ситуация с тобой, Кирилл, сильно отличается от стандартной. Обычно сыновья следователей проходят инициацию раньше. Они к этому моменту уже несколько лет знают о своём даре, умеют с ним обращаться, общаются с артефактами и сущностями. Их отцы проводят им, скажем так, «домашний» обряд. Тихий, камерный. Просто последний штрих.

Он покачал головой.

— Ты же — совершенный неофит. Твоя сила спала двадцать пять лет и проснулась в экстремальной ситуации. Твой «дом» — это хаос и незнание. Стандартный обряд для тебя не подойдёт. Он будет просто бесполезен. Тебе нужен мощный толчок. Место Силы. Ритуал, который не просто откроет дверь, а сорвёт её с петель.

Он замолчал, его взгляд стал тяжёлым, задумчивым, будто перебирал в уме карту невидимых глазу энергетических узлов.

— Мне нужно подумать.

Впервые за всё время разговора Смирнов выглядел человеком, который действительно чего-то опасается. Не за себя. За исход предстоящего обряда.

— Выбрать подходящее место. Это не должно быть случайным пятном на карте. Это должно быть... идеально. — Он посмотрел на Кирилла. — В понедельник, когда мы встретимся у клиники и отвезём это чёртово зеркало, я скажу тебе, где и когда мы проведём твою инициацию. Договорились?

Кирилл кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Горячая волна от своего решения и холодная — от серьёзности слов Смирнова сталкивались внутри него, создавая странное, бодрящее вихревое течение.

— Договорились, — хрипло выдохнул он.

— Отлично. — Смирнов взялся за ручку двери. Больше он не задерживался. — До понедельника, Кирилл. И... добро пожаловать в ... новый мир.

Дверь закрылась за ним с тихим щелчком. Кирилл остался стоять посреди комнаты, слушая, как за окном заводится и отъезжает машина. Воздух казался густым от значимости произошедшего. Он сделал это. Он выбрал свою судьбу.

И тут его мысли прервал громкий, недовольный мысленный голос:

«Ну и сколько ещё мы будем стоять здесь как вкопанные? Ты же пообещал мне посуду для еды. Или твоё «окончательное и бесповоротное» решение не распространяется на зоомагазины?»

Кирилл обернулся. Никлаус сидел на полу, поджав хвост, и смотрел на него с самым оскорблённым видом, на какой только был способен.

И Кирилл вдруг рассмеялся. Смех был нервным, срывающимся, но настоящим. Он провёл рукой по лицу, сметая остатки напряжения.

— Да, конечно, ваше высочество. Сейчас, сию секунду. — Он взял с вешалки в прихожей куртку.

— Перебирайся в свою переноску. Едем выбирать трон. То есть, пардон, столовые приборы.

Они уже собирались выходить, когда Кирилл неожиданно остановился посреди прихожей.

На лице у него появилось выражение человека, которого внезапно посетила профессиональная мысль.

— Стоп...

Но быстро уехать не получилось. Напряжение последних дней наконец отпустило, и Кирилла накрыло запоздалое чувство вины. Он ведь ветеринар с дипломом, пусть теперь и ведьмак в придачу. А вел себя как безответственный хозяин. Кот — судя по габаритам и мощным кисточкам на ушах, чистокровный мейн-кун — все эти дни питался чем придется.

— Я ведь не только потомственный ведьмак, но и дипломированный ветеринар, — важно произнес Кирилл. — А значит, обязан заботиться о тебе по всем правилам.

Никлаус недовольно фыркнул.

— Сырого мяса больше не будет, — продолжил он. — В нём глисты, паразиты и прочая зараза. Хочешь лечиться? Нет? Вот и я не хочу.

Кот возмущённо мяукнул, косясь на холодильник.

Кирилл сел за ноутбук и стал штудировать сайты: нужно было вспомнить информацию. Минут через десять он торжественно зачитал новый рацион:

— Утром — отварная курица с кашей, чередуем с овощами. Вечером — сухой и влажный корм попеременно.

— Мяу-у-у! — протянул Никлаус жалобно, словно хотел в последний раз пробить защиту Кирилла.

— Даже не пытайся, — твёрдо ответил Кирилл. — Решение принято.

Следующие пять минут прошли в оживлённой дискуссии, во время которой говорил в основном Никлаус. Кирилл лишь время от времени пытался вставить слово.

После короткого, но бурного спора они пришли к шаткому компромиссу: раз в неделю — творог и рыба, молоко — по требованию. Кот смирился, но поставил условие, что рыба будет свежей, а творог — не обезжиренным.

Он открыл пластиковую дверцу. Кот, ворча на низкую скорость обслуживания, нехотя, но с достоинством втянул свое массивное тело внутрь. Щелкнул замок. Кирилл почувствовал, как за порогом квартиры осталась прежняя, понятная жизнь. И, как ни странно, это чертовски бодрило.

В тишине студии собственное дыхание казалось слишком громким. Все, Рубикон перейден.

Из вентиляционных решеток пластикового бокса донеслось глухое, но крайне выразительное бурчание.

«Если этот металлический ящик трясётся так же, как твои руки, то я требую немедленного оформления страховки на случай укачивания и морального ущерба. Или ты планируешь нести меня, как чемодан с динамитом?»

— Потерпи немного, — буркнул Кирилл, поправляя хватку. — Доедем нормально.

Он вышел на площадку, кабина лифта беззвучно поползла вниз. Кирилл усмехнулся про себя: еще недавно он спускался здесь рядовым ветеринаром, высчитывающим дозировку глистогонного. А сегодня в пластиковом боксе шуршало древнейшее магическое существо на планете.

Казалось, тросы натянулись сильнее обычного — будто давали последний шанс передумать и вернуться. Но Кирилл даже не думал нажимать «стоп».

У подъезда пахло вечерней прохладой и выхлопными газами. Обычный двор обычного жилого комплекса. Дети катались на самокатах, кто-то выгуливал собаку, из открытых окон доносились обрывки телепередач. Кирилл с ясной остротой ощущал, что теперь будто смотрит на этот мир из-за толстого стекла. Он был среди них, но уже не одним из них.

Дорога до ближайшего крупного зоомагазина заняла минут двадцать. Никлаус переносил поездку с молчаливым, но ощутимым неодобрением, периодически сообщая о своём состоянии саркастическими мысленными репликами о качестве асфальта и культуре вождения пермских автолюбителей.

Магазин встретил их ярким светом и многочисленными рядами разнообразных товаров для животных, птиц, рыбок и рептилий. Это были всевозможные корма, игрушки, аксессуары. Кирилл, привыкший бывать здесь строго по делу — помогая в закупке необходимого для нужд ветлечебницы, — на сей раз чувствовал себя неспециалистом, забредшим в ювелирную лавку.

Проблема заключалась в том, что покупать предстояло не просто кошачью миску.

Нужно было выбрать миску существу, которое лично помнило Екатерину Великую и считало Пушкина «молодым, но способным человеком».

Они направились к отделу с посудой. Выбор был ошеломляющим: от простых пластиковых плошек до керамических шедевров с рисунками и дизайнерских моделей из нержавеющей стали.

«Пластик — вульгарно и дешево. От него еда пахнет химией. Нержавеющая... приемлемо, но без души. Будто ешь из хирургического инструмента, — немедленно начал вещать у него в голове Никлаус, пока Кирилл медленно двигался вдоль полок. — А вот это... это интересно.»

Его «взгляд» остановился на керамической миске глубокого тёмно-синего цвета, почти индиго, с тонким золотым ободком по краю. Она была тяжёлой, солидной и стояла, как добрый ужин в приличном кафе.

— Серьёзно? — вздохнул Кирилл вслух, поднимая её и изучая ценник. — Она золотая, что ли?

«Золото — это безвкусица. Это тонкая ручная работа и правильная глазурь, которая не впитывает запахи и не окисляется. И цвет успокаивающий, способствует правильному пищеварению. Я, кстати, предпочитаю, когда моя посуда способствует пищеварению. Это не роскошь, это базовая гигиена.»

Какой-то подросток с хомяком в клетке посмотрел на Кирилла с недоумением: тот стоял с переноской в одной руке и дорогой миской в другой и вёл оживлённый, хоть и односторонний, спор.

В конце концов Кирилл сдался. Он взял синюю керамическую миску и направился в отдел с кормами, чувствуя себя подкаблучником кота.

В отделе Никлаус устроил настоящее представление. Стоило Кириллу взять пакет с сухим кормом, как из переноски донеслось возмущённое «МЯУ!», будто кот протестовал против этого выбора. Кирилл положил корм обратно, взял банку паштета — и снова оглушительное «МЯУ-У-У!», теперь уже требовательное, как будто Никлаус лично приказывал: *«Бери два десятка сразу!»*

Покупатели вокруг прыснули со смеху.

Со стороны всё выглядело так, будто молодой человек действительно советуется с собственным котом по поводу меню на ближайшую неделю.

И, судя по всему, последнее слово оставалось вовсе не за человеком.

— У вас, похоже, очень строгий контролёр, — заметил мужчина, тоже что-то рассматривавший на полке.

— Да, — вздохнул Кирилл. — Он считает, что лучше меня разбирается в питании.

— И, похоже, не ошибается, — добавила продавщица, раскладывая товар из тележки и с улыбкой слушавшая концерт из переноски.

Когда Кирилл положил в корзину сухой и влажный корм ровно на неделю, кот ещё раз громко возмутился, но на этот раз его «мяу» прозвучало так, что все решили: спорить больше сил у него нет.

Увидев, какую миску выбрал Кирилл, продавщица улыбнулась.

— Подарочек питомцу? — одновременно утвердительно и вопросительно сказала она, считывая код.

— Можно и так сказать, — буркнул Кирилл, расплачиваясь. — Ему тут без подарочков жить нельзя.

На выходе из магазина Кирилл остановился, наклонился к переноске и сказал:

— Всё, друг. Теперь питаемся правильно, хочешь ты того или нет.

Никлаус демонстративно отвернулся, но его хвост нервно дёрнулся, словно думал:

«Ничего, я ещё найду способ достать своё сырое мясо.»

Покупатели, провожавшие их взглядами, дружно улыбались, а Кирилл сам усмехнулся и тихо признался:

— Кажется, этот кот всё равно меня переиграет.

Обратная дорога прошла в молчании. Никлаус, получив желаемое, углубился в созерцание внутреннего мира или, что более вероятно, планировал что-то насчёт миски.

Дома Кирилл наконец выпустил кота из переноски. Тот грациозно выскользнул, обошёл новую миску, обнюхал её, толкнул лапой — проверил на устойчивость — и лишь затем издал короткое, одобрительное урчание.

«Приемлемо. Можно было бы и малахитовую вставку добавить для энергетики, но и это сойдёт для начала. Теперь — наполни.»

Кирилл, уже почти автоматически, отрезал ему кусок от оставшейся курицы, отварил его в кастрюльке и положил в миску. Никлаус, дождавшись, когда мясо остынет, приступил к трапезе с видом гурмана в дорогом ресторане.

Кирилл опустился на стул и уставился в стену. Вечер только начинался, а он уже чувствовал себя так, будто разгрузил десять вагонов. В голове гудело от информации, решений и абсурда. Ведьмы, домовые, древние коты-библиотеки, предстоящая инициация... и вот теперь ещё и керамическая миска за не слабые такие деньги.

Он посмотрел на кота, который размеренно и благородно трапезничал из своей новой посуды. И вдруг понял, что это — его новая реальность. Не временный кошмар, а постоянная работа. Работа по содержанию вселенского сокровища с претензиями к сервировке.

В понедельник — зеркало, капище, новая порция безумия. А потом — инициация. Он не знал, ждать этого с ужасом или с нетерпением. Он просто знал, что другого пути у него нет. И, как ни странно, впервые за долгое время эта мысль его совсем не пугала.

Глава 9. Пермский звериный стиль

Воскресное солнце ворвалось в студию не назойливым лучом, а ленивой, золотистой полосой, растянувшейся по полу. Кирилл проснулся от непривычной тишины. Не было требовательного мысленного пинка, нетерпеливого вопроса о завтраке, саркастического комментария по поводу его позы во сне. Была тишина.

За последние дни Кирилл настолько привык просыпаться под мысленное ворчание Никлауса, что отсутствие знакомого фона показалось почти пугающим.

Он даже не сразу понял, что именно его разбудило. Вернее — чего не хватало.

Он приподнялся на локте. Никлаус сидел на подоконнике, спиной к комнате, неподвижный, как чёрная фарфоровая статуэтка. Его хвост был опущен, а не обвит вокруг лап с привычным высокомерием. Он смотрел в окно на просыпающийся город, но взгляд его был устремлён куда-то далеко, за горизонт многоэтажек.

«Похоже, батарейки у мыслителя сели», — подумал Кирилл, осторожно выбираясь из-под одеяла, чтобы не спугнуть это редкое спокойствие.

Он налил себе кефир, отрезал кусок хлеба. Обычно к этому моменту в его голове уже звучал бы разбор полётов: *«Кефир? Взрослый мужчина? Ты точно ветеринар?»* Сегодня — ничего. Тишина была настолько звенящей, что Кирилл даже почувствовал лёгкую тревогу.

— Никлаус? — осторожно позвал он. — С тобой всё в порядке?

Кот медленно повернул голову. Его изумрудные глаза были не насмешливыми, а глубокими, почти бездонными. В них читалась не грусть, а какая-то отстранённая, древняя задумчивость.

«Порядок — понятие относительное, — прозвучал в голове голос, лишённый привычных колкостей. — *Просто пришло время.»*

— Время чего? — насторожился Кирилл.

«Время познакомиться. — Никлаус спрыгнул с подоконника и грациозно подошёл к столу. — *Судьба, как ни крути, забросила меня в этот город. И было бы крайне невежливо с моей стороны игнорировать его. Каждый город хранит собственную память. Иногда она живёт в книгах. Иногда — в людях. А иногда — в камне. Я полагаю, как коренной житель, ты должен хоть что-то о нём знать. Предлагаю провести этот выходной с пользой. Устрой мне экскурсию.»*

Кирилл поперхнулся кефиром.

— Экскурсию? По Перми? Тебе?

«А что смущает? — кот сел, обвив хвостом лапы. — Я везде был гостем. В покоях древних правителей, в салонах парижских и петербургских аристократов, в Александрийской библиотеке, в лаборатории Менделеева и у оксфордских профессоров. А вот в Перми... в Перми как-то не доводилось. Исправим это досадное упущение. Ты будешь гидом. Я — высокообразованным, но любознательным туристом. На том и порешим.»

Он сказал это с таким видом, будто назначал аудиенцию у губернатора, а не предлагал прогуляться по центру города. Кирилл посмотрел на него, потом на свой скромный завтрак, потом снова на кота. Жизнь, как всегда, преподносила сюрпризы.

— Ну... ладно, — сдался он. — Только с условием: никаких комментариев про «убогость провинциальной архитектуры» и «отсутствие достойных бутиков». Договорились?

«Обещаю стараться, — мысленно вздохнул Никлаус, и в его тоне снова мелькнул знакомый снобизм. — *Но за эстетическую составляющую ты всё же отвечаешь. Я человек... то есть кот. В общем, я — впечатлительный.»*

Кирилл, всё ещё не до конца веря в реальность происходящего, отнёс свою чашку в раковину. Никлаус устроился на столе рядом с ноутбуком, приняв вид ревизора, прибывшего с внеплановой проверкой.

— Ну что ж, — вздохнул Кирилл, открывая браузер. — С чего начнём наше великое знакомство с «уральской жемчужиной»? Полагаю, тебе не интересны торговые центры?

«Торговые центры, — мысленно фыркнул Никлаус, — это храмы потребления, где дух человеческий увядает среди блестящих безделушек. Меня интересует душа города. Его история, застывшая в камне. Его... звериный стиль, если угодно.»

Кирилл удивлённо поднял бровь. Фраза прозвучала не как шутка, а с какой-то странной, намекающей интонацией. Он потянулся к кружке с остывшим чаем.

— Ну хорошо. Значит, по классике жанра. Начнём с Эспланады — это наша главная площадь.

Он открыл страницу с фотографиями. Никлаус склонил голову набок, изучая виды фонтанов, амфитеатра и стелы.

«М-м-м. Масштабно. Чувствуется имперский размах. Хотя, конечно, фонтан «У самовара» в Царском Селе производил большее впечатление. А это что за сооружение, напоминающее античный театр, но из бетона?»

— Это амфитеатр. Там летом концерты бывают.

«Ага. Понятно. Местный Колизей для собраний плебса. Продолжаем.»

Кирилл, стараясь игнорировать комментарии, перешёл к набережной Камы. Виды на реку. По экрану потянулись фотографии широкой набережной, детских площадок, спортивных зон и знаменитой надписи — арт-объекта «Счастье не за горами».

«О! А это уже интереснее. Ширь. Вода. Надпись, претендующая на философскую глубину. Классический приём для придания смысла банальности. Мне нравится. Обязательно к посещению. Я там сфотографируюсь. И желательно так, чтобы потом никто не сказал, будто меня держали против моей воли.»

— Ты? Фотографируешься? — не удержался Кирилл.

«А что такого? Моё изображение украшало полотна величайших мастеров. Почему бы ему не украсить твой скромный цифровой архив? Дальше.»

Они пролистали фотографии особняка Горбушина.

«Нарышкинское барокко, но с провинциальной скромностью... Мило.»

Дом Мешкова.

«Солидно. Чувствуется купеческая основательность.»

Художественная галерея.

«А это уже серьёзно. Шишкин, говоришь? Его сосну я, кажется, помню...»

Когда дошли до скелета мамонта из музея древностей, которого Кирилл назвал мастодонтом, Никлаус и вовсе оживился.

«Мамонт. Не мастодонт. Не путай, пожалуйста. Они этого терпеть не могли. Любопытно, кого именно вам удалось найти. Шестдесят лет для самца — возраст весьма почтенный. Если он действительно сохранился почти полностью, значит, смерть была спокойной. Скорее всего... болото.»

Кирилл удивился.

— Откуда ты знаешь?

«Потому что лёд ломает кости. Хищники растаскивают их. А болото... болото умеет хранить чужие тайны.»

Виртуальная экскурсия заняла минут сорок. Никлаус комментировал всё с видом искушённого критика, снисходительно оценивающего провинциальную выставку. Кирилл же тем временем набросал в уме маршрут: Эспланада — набережная — особняки — музеи — медведь.

— Ну что, маршрут построен, ваше высочество? — спросил он, закрывая ноутбук. — Устраивает?

Никлаус долго смотрел на него своим проницательным взглядом, а потом медленно моргнул.

«Принимается. В качестве ознакомительного тура — сойдёт. Теперь о транспорте. Твой автомобиль напоминает мне карету Золушки до визита феи. Но другой нет? Ладно, потерплю. И ещё одно условие.»

— Какое?

«Никаких уличных кормов. Если я захочу есть, мы находим приличное заведение. Или едем домой. Я не банальный уличный бродяга, чтобы питаться на ходу. Я — турист с интеллектуальными запросами.»

Кирилл простонал. Это обещало быть самым долгим воскресеньем в его жизни.

Путь до центра города Никлаус перенёс с молчаливым стоицизмом, изредка подавая мысленные реплики о качестве дорожного покрытия, которое, по его мнению, *«оставляло желать лучшего ещё со времён царя-батюшки»*. Он сидел в переноске, устроившись так, чтобы его морда была прижата к сетчатому окошку-иллюминатору, и внимательно следил за мелькающими за окном пейзажами.

Когда машина подъехала к Эспланаде, он оживился.

«Так-так... Главная площадь. Чувствуется дыхание истории, пусть и слегка подправленное советскими градостроителями. А где же обещанные фонтаны и ликующие толпы?»

— Весна, Никлаус, — пояснил Кирилл, паркуясь. — Фонтаны включают летом. А каток и ледовый городок уже убрали.

Он открыл дверцу переноски. Никлаус не спеша выбрался наружу, потянулся и с видом знатока окинул взглядом огромное пространство. Ветер гонял по асфальту одинокий пластиковый стаканчик.

«Эспланада в межсезонье... Напоминает театральную сцену после того, как все актёры и зрители разошлись. Есть в этом своя меланхоличная прелесть. Но в целом — уныло. Поехали дальше.»

Они вернулись в машину и через несколько минут были на набережной Камы. Вид на широкую, ещё по-весеннему серую реку впечатлил кота куда больше.

«Вот это да... Это уже масштаб. Чувствуется мощь. Не Волга, конечно, но вполне себе солидно.»

Кирилл направился к знаменитым красным буквам, создающим надпись «Счастье не за горами». Никлаус с интересом наблюдал за ним.

«И этот арт-объект, по замыслу автора, должен вселять надежду? Любопытный выбор локации. Счастье, получается, где-то на том берегу? Иронично. Вообще люди удивительные существа. Стоит написать на большом заборе красивую фразу — и все начинают верить, что она правда. Если бы счастье действительно зависело от надписей, ваши города давно стали бы раем.»

— Все тут фотографируются, — сказал Кирилл, останавливаясь. — Хочешь? Сделаю пару кадров на память.

В его голове воцарилась короткая, но выразительная пауза, полная достоинства.

«Предложение, безусловно, лестное. Учитывая мою фотогеничность и историческую значимость момента... Да, пожалуй, я не против. Только постарайся поймать мой лучший ракурс.»

Кирилл, стараясь не смеяться достал смартфон. Никлаус с видом кинозвезды, выходящей на красную дорожку, грациозно запрыгнул на парапет и уселся, повернув голову в сторону Кирилла. Он сидел недвижимо, и лишь кончик его хвоста чуть подрагивал от внутреннего напряжения.

Кирилл сделал несколько снимков. На них чёрный кот на фоне широкой реки и визуально бескрайнего леса на другом берегу выглядел на удивление органично и даже величественно.

«Достаточно, — мысленно произнёс Никлаус, спрыгивая вниз. — Теперь можно и прогуляться. Размять лапы.»

Никлаус неторопливо сделал несколько шагов по гранитной плитке набережной. Потом остановился. Закрыв глаза. Медленно втянул воздух.

«Любопытно...»

— Что? — удивился Кирилл.

«Город пахнет очень необычно.»

— В смысле? — Кирилл удивился ещё больше.

«Большинство городов пахнет людьми. Этот пахнет ещё и камнем. Старым металлом. Лесом. И...»

Никлаус ненадолго замолчал.

«...очень древней памятью.»

Затем они зашли в сквер на набережной. Кирилл выпустил кота. Тот прошёлся несколько шагов, обнюхал скамейку, задумчиво посмотрел на игравших вдалеке детей.

«Народу многовато для уединённой медитации. И энергетика места... слишком хаотичная. Детский смех, конечно, прекрасен, но в больших дозах он мешает сосредоточиться на вечном. Полагаю, для полноценной прогулки стоит найти место поспокойнее.»

— Понимаю, — кивнул Кирилл. — Поедем к особнякам. Там есть уютные скверы. Там и погуляешь.

«Прекрасная идея, — одобрил Никлаус, направляясь обратно к машине. — Архитектура — это застывшая музыка. А я, как никто другой, ценю хорошую музыку.»

Он снова залез в переноску, и Кирилл почувствовал, что экскурсия, несмотря на все странности, идёт как по маслу. По крайней мере, клиент был доволен.

Следующей точкой маршрута стал особняк Горбушина. Голубой фасад с белыми декоративными элементами ярко выделялся на фоне более строгой городской застройки. Кирилл припарковался неподалёку, у небольшого уютного сквера.

«Нарышкинское барокко, — тут же прозвучал в его голове оценивающий голос, как будто Никлаус читал с экрана невидимого гида. — Провинциальная, но милая интерпретация. Чувствуется желание выделиться, не нарушая при этом общих канонов. Одобряю.»

Кирилл открыл переноску, и на этот раз Никлаус выскочил из неё с явным облегчением. Он потянулся, выгнув спину дугой, а затем сделал то, чего не делал ни разу за всё время пребывания в квартире: подбежал к ближайшему кусту и с деловым видом принялся рыть лапой ямку.

«Прости за неподобающий вид, — мысленно прокомментировал он, не прерывая своего занятия. — Но даже великим умам требуется удовлетворять базовые потребности. А этот сквер... очень располагает.»

Закончив свои «дела», он с достоинством отряхнул лапы и вернулся к Кириллу, словно только что подписал важные документы.

«Теперь можно и культурной программой заняться. Показывай свой купеческий особняк.»

Они обошли здание вокруг. Никлаус шёл медленно, вглядываясь в лепнину, изучая форму окон.

«Да, солидно. Деньги здесь были, но и вкус присутствовал. Не люблю эти новорусские замки из золота и стекла. А здесь есть душа.»

От Горбушина они направились к дому Мешкова — массивному каменному зданию, в котором сейчас располагался краеведческий музей. Кирилл уже было направился к входу, но Никлаус остановил его.

«Внутри — не стоит.»

— Почему? Там интересные экспозиции. Пермский звериный стиль, например.

«Пермский звериный стиль?» — в мысленном голосе кота прозвучала неподдельная заинтересованность. — О, это весьма любопытно. Но мне нет необходимости переступить порог.»

Он уселся на тротуар прямо напротив входа, закрыл глаза и на несколько секунд замер.

«Достаточно просто... быть рядом. Вся необходимую информацию я уже считал. Да и не пустят тебя в музей с переноской и котом.»

Он открыл глаза и посмотрел на Кирилла с лёгкой улыбкой.

«Да, весьма достойная коллекция. Особенно бляха с ящером. Очень символично.»

Кирилл остановился.

— Почему именно она?

Никлаус неожиданно ответил не сразу.

«Потому что люди считают её украшением. А когда-то подобные вещи служили совсем иной цели.»

Кирилл только развёл руками. Они так же «посетили» музей пермских древностей, где Никлаус, сидя на лавочке, «считал» скелеты мамонта и динозавра, и художественную галерею, от которой он пришёл в явный восторг.

«Айвазовский, Саврасов, Шишкин! Чувствуется мощь, дыхание леса! А это... Репин? О, да тут целый пласт человеческих страданий! Какая энергетика! — Он помолчал, словно переваривая впечатления. — Знаешь, а твой город... он гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд. Здесь есть исторические слои. Мне нравится.»

Прогулка по культурным точкам заняла большую половину дня. Никлаус вёл себя как истинный ценитель, а Кирилл чувствовал себя не столько гидом, сколько сопровождающим при передвижной библиотеке, которая сама знает об экспонатах больше, чем все экскурсоводы вместе взятые. Это было одновременно и забавно, и немного жутковато.

Финальным аккордом экскурсии стала скульптура пермского медведя, который стоит в самом центре города, напротив гостиницы «Урал», — массивного бронзового зверя с блестящим от прикосновений тысяч рук носом.

«Символ города, — мысленно констатировал Никлаус, осматривая зверя с видом знатока. — Выбран удачно. Медведь — существо основательное, сильное, но несколько... неповоротливое. Вполне отражает уральский характер, не находишь?»

— Говорят, если нос потереть — будет удача, — сказал Кирилл, подходя ближе.

«Примитивный, но очаровательный символизм, — снизошёл до комментария кот. — Коллективная вера всегда обладает силой. Ну что ж, не будем нарушать традицию. Потрём.»

Кирилл протянул руку и потёр блестящий нос медведя. Никлаус же, к его удивлению, подошёл вплотную к постаменту и легонько потёрся о него лбом.

«Для равновесия мироздания, — пояснил он, возвращаясь. — Чтобы удача была не только у тебя, но и у твоего гида. Теперь можно закругляться. Информации для первого раза более чем достаточно. Мой внутренний жёсткий диск наполнен.»

Он немного помолчал.

«Хотя нет. Не наполнен. Скорее... приятно удивлён.»

Последней точкой маршрута значилась краевая библиотека. Никлаус долго смотрел на здание.

Потом неожиданно поклонился. Совсем немного. Почти незаметно.

Кирилл даже удивился.

— Ты чего?

«Любая библиотека достойна уважения. Даже если ты давно знаешь всё, что хранится внутри. Я уже сканировал каталог. Ничего нового. Всё это я читал или просто не хотел читать. Поехали домой. Я проголодался.»

Обратная дорога прошла в молчании. Никлаус свернулся клубком в переноске и, казалось, дремал. Но Кирилл чувствовал: это не сон. Кот перерабатывал впечатления, раскладывая по полочкам своей феноменальной памяти увиденное.

Домой они вернулись, когда часовая стрелка перевалила за четыре. Студия встретила их привычной тишиной. Кирилл, чувствуя приятную усталость, первым делом направился к холодильнику.

— Буду сэндвичи делать. Тебе? Паштет из кролика остался.

Никлаус выбрался из переноски, потянулся и величественным шагом направился к своей синей керамической миске.

«Паштет — приемлемо.»

Пока Кирилл возился с хлебом и колбасой, кот с явным удовольствием уплетал свой паштет. Было видно, что он доволен. Доволен и прогулкой, и едой, и тем, что его «трон» ждал его на привычном месте. Казалось, впервые за последние дни жизнь начала возвращаться в привычное русло. Именно поэтому появление знакомого силуэта оказалось особенно неожиданным.

Вдруг в воздухе повеяло лёгким сквозняком, и в углу комнаты возник знакомый силуэт. Кирилл с набитым ртом обернулся на знакомый слегка писклявый голос.

Мотя стоял у холодильника, нервно переминаясь с ноги на ногу. Он, как всегда, был одет в свой рабочий комбинезон — было понятно, что он всегда на смене. Его лицо выражало робость и надежду.

Глава 10. Рассказ домового

— Чай со сгущёнкой, — напомнил Мотя, косясь на Никлауса. — Базар об этом был. Я за долгом.

— Конечно, Мотя, проходи, — кивнул Кирилл, глотая кусок сэндвича. — Как раз чайник вскипел.

«Дух места, — лениво прокомментировал Никлаус, не отрываясь от своей миски. — Энергетический смотритель низшего звена. Пахнет домашним уютом. И... сладостями.»

Мотя, краем глаза поглядывая на кота, съёжился ещё сильнее и прокрался к столу, как мышь.

— Я не помешал? — прошептал он, усаживаясь на краешек стула.

Пока Кирилл наливал чай и доставал початую банку, Мотя сидел смирно, лишь изредка косясь на Никлауса со смесью страха и любопытства. Получив свою чашку, он принялся степенно, чайной ложечкой, поглощать сгущёнку, запивая хозяйским чаем.

— Ну как у вас тут дела? — спросил Кирилл, делая глоток чая. — В доме всё спокойно?

— По кайфу, всё чётко, — почти промычал Мотя, облизывая ложку. — Краны не текут, розетки не искрят. Тишина. Аж непривычно. — Он помолчал. — А у вас, я смотрю, день просто на максималках. По городу катались?

— Ага, — улыбнулся Кирилл. — Показывал Никлаусу достопримечательности.

Мотя снова с благоговением посмотрел на кота.

— Это ж надо... Такой важный гость, а по нашему городу... — Он покачал головой. — У нас тут рядом такой движ забавный был! Готовы угореть? Чё, расскажу? Про девчонку одну, Анькой звать.

Никлаус, перебравшийся на диван и уже начавший умыться, замедлил движение лапы. Кирилл почувствовал легкий ментальный интерес.

«Местный фольклор? Почему бы и нет. Послушаем, как живут простые смертные... и духи.»

— Конечно, рассказывай, — сказал Кирилл, откидываясь на спинку стула. — Интересно же.

Мотя облизнулся, отставил чистейшее блюдце, из которого до этого подцеплял ложечкой сгущёнку, и принял вид рассказчика. Он уже не робел, а скорее старался быть покруче, но без прежнего бахвальства.

— Ну значит так, — начал домовый. — Я работаю не соло — у нас целая бригада. Такой, знаешь, подпольный ЖЭК с магическим вайбом. Каждый отвечает за своё направление, и вместе мы держим этот жилой комплекс от полного кринжа.

— Возьмём, например, Гаврюху. Тот ещё шумовик: если соседи решат устроить чилловую дискотеку в три ночи, он им подкинет такой фоновый гул, что у них уши сами попросят пощады. Или Пыжик — с виду няшный добряк, но стоит ковровому покрытию зарости крошками, и он врубает режим «ковровый мститель». Есть ещё Филимон, санитар по натуре: ходит по подъезду с лицом, будто у него докторская степень по гигиене. И Кузьма — чистый водопроводный маг. Только стоит ему отвлечься, и в кране у жильцов начинается зашквар: то кипяток, то ледяной душ, без промежуточных вариантов.

— Я же главный по розеткам и общему вайбу квартиры. Если в комнате энергетика тухнет, значит, хозяева навалили бардак, и мне потом расхлёбывать.

— Есть в соседнем доме, на пятом этаже, фифа — молодая барышня с именем Анна. Симпатичная, смешливая, но к порядку относится как студент к зачёту: «Может, потом». Постель у неё выглядит так, будто там ночевали минимум три рэпера после концерта. Посуду она не моет — она её коллекционирует. Причём с лицом, мол: «А вдруг потом на Авито про-

дам как арт-объект?» Иногда мне реально кажется, что раковина у неё — это музей постсоветского хаоса.

— Питомцев у Аньки двое. Первый — кот, самый дефолтный полосатик, Барсик. Такой обычный кот, знаешь, в каждой третьей квартире встречается, будто по ГОСТу выпущен. Но сам-то он уверен, что краш. К миске подходит с видом: «Серьёзно? Это еда?» — и уходит драматично валяться на диван, как будто его только что отметили в Твиттере.

— Второй — попугай Жорик. Волнистый, но по характеру топовый скандалист. С утра орёт на всю квартиру, будто требует срочного референдума. Его словарный запас невелик: он выучил слово «Хаос!», которое подцепил полгода назад от приехавшей из Кунгура на две недели матери фифы. Она это слово повторяла постоянно — и в отношении её квартиры, и вообще о жизни Аньки. Вот и вставляет Жорик это слово с таким вайбом, что хоть на митинг выводи. Но, заметьте, всегда по делу. Уронила Анька ложку — «Хаос!». Забыла свет выключить — «Хаос!». Иногда думаю: если бы Жорик знал слово «зашквар», то он бы и меня им зарядил.

— Вот так и живём: Анька в вечном аврале, Барсик — в вечной тоске по гастрономическому раю, Жорик — в роли орущей оппозиции. А мы, бригада домовых, держим этот жилой массив в руках, чтобы он не скатился в окончательный трэш и угар.

— Так вот, как-то вечером мы с бригадой собрались в кладовке на планёрку. Повестка дня — бардак в Анькиной квартире. Гаврюха сразу заявил, что от постоянного звона посуды в раковине у него уже тик в ухе. Пыжик же сообщил, что покрытие в комнате достигло состояния «криминальная хроника» и скоро по нему придётся вводить комендантский час.

— Коллеги, — начал я дипломатично, — если мы сейчас не вмешаемся, то энергетика квартиры скатится в андеграунд. Предлагаю начать воспитательный процесс.

Согласились все. Решили действовать мягко: ночью я слегка подёргал люстру, Гаврюха пустил по батарее зловещий гул, а Пыжик устроил маленький парад пылинок — так, чтобы утром хозяйка офигела.

— И она, конечно, утром офигела. Но неправильно. Вместо того чтобы схватить тряпку, она схватила телефон. Сначала позвонила подруге, пожаловалась:

— Ты знаешь, у меня тут странные движухи... Люстра сама качается, в батарее кто-то стучит и воет, ковёр как будто живёт своей жизнью.

— Подруга, разумеется, посоветовала: «Купить благовония, это должно вайб гармонизировать».

Вечером Анька принесла пачку индийских палочек и начала окуривать квартиру. Барсик от этого устроил такой перформанс, что даже Пыжик засмеялся. Кот носился кругами, как будто его срочно вызвали на рок-фестиваль. Потом плюхнулся на пол и стал кататься, сбивая облака дыма хвостом.

А Анька посмотрела на это и сделала вывод:

— Коту нравится, значит, всё правильно делаю.

Мы, конечно, воспользовались ситуацией. Пока она бегала с благовониями, я поручил Барсику ответственное задание — уронить с полки пустую кружку. Барсик, вдохновлённый ароматами, справился с миссией идеально: прыгнул, стукнул хвостом — кружка грохнулась на пол и... вдребезги. Анька аж подпрыгнула, потом даже перекрестилась.

— Всё, — сказала она подруге по телефону, — у меня дома чёрт-те что: либо полтергейст какой-то, либо я с ума схожу.

А мы в это время сидели в кладовке, слушали её и чувствовали, что воспитательный процесс идёт по плану.

На следующий день она вошла в фазу «надо что-то решать радикально». С утра позвонила другой подруге, той, что «всё знает про энергетику». Та, не моргнув глазом, посоветовала:

— Купи свечу в церкви и зажги. Полтергейсты не любят такие свечи.

Анька так и сделала: вернулась с громадной восковой свечой, будто собиралась устроить молебен прямо в комнате. Поставила её на подоконник и заявила вслух:

— Вот теперь всё точно успокоится.

Теперь квартира пахла одновременно как храм и как магазин индийских сувениров.

Гаврюха сказал:

— Это уже не жилплощадь, а культурный микс. В таких условиях ни одна энергетика не выживет.

Анька тем временем прошлась по углам со свечой, шепча что-то себе под нос. Барсик воспринял её действия слишком близко к сердцу: стал ловить блики от свечи и ронять всё, что плохо лежало. В результате Анька получила ещё один «сигнал свыше» — пачку макарон на полу.

В свою очередь мы переглянулись с Гаврюхой. Он фыркнул:

— Ну да, щас. Свеча, говоришь? А если я через батарею ей лёгкий басок пушу, она подумает, что свеча не сработала?

Я кивнул. План приняли.

И вот в самый торжественный момент, когда Анька закрыла глаза и начала что-то шептать, батарея издала низкое:

— Буууум...

Свеча дрогнула, пламя качнулось, Барсик подпрыгнул и с разбега влетел в занавеску. Картина была достойна кисти: свеча чадит, кот висит на гардинах, Анька в панике машет руками.

Пыжик в этот момент, кстати, не выдержал и прошептал:

— Карма подъехала.

Но на этом Анька не остановилась. Вечером она решила провести генеральное очищение квартиры индийскими благовониями. Запахи стояли такие, что Кузьма кашлял в ванной, как будто откачивал старый бойлер.

Барсик от дыма окончательно потерял самообладание. Он метался из комнаты в комнату, шипел на невидимых врагов, а потом вдруг застыл, уставился в пустой угол и зашипел особенно театрально.

— Вот, видишь! — воскликнула Анька в трубку подруге. — Кот чувствует!

А на самом деле кот просто выполнял поручение. Я ему тихо намекнул:

— Барсик, пора сыграть в хоррор. Для убедительности.

Вишенкой на торте стал Жорик. До этого он вёл себя прилично, но, когда дым за клубился особенно густо, попугай вдохновился и неожиданно заорал на всю квартиру:

— Хаос! Хаос! Хаос!

Эффект был потрясающий: Анька чуть не выронила палочку, Барсик сиганул под диван, а свеча снова качнулась, будто подыгрывая.

Потом Анька села посреди кухни, вздохнула и написала в чате подруг:

— Девочки, у меня реально домовый. Но, знаете, я даже привыкать начинаю. Главное, что вреда нет, а коту, похоже, весело.

Мы сидели в кладовке, слушали её и ржали тихо, как на спиритическом сеансе.

Воспитательный процесс, как ни странно, сработал: Анька впервые за долгое время взяла тряпку, затем протёрла стол и перемыла посуду в раковине. За холодильник поставила блюдо с молоком «для домового».

— Коллеги, — подвёл итог Филимон, — можно заносить в отчёт: «Первый этап воспитания завершён».

Барсик же, довольный собой, вылез из-под дивана и сел так, будто это всё он организовал.

— Вот так-то, — вздохнул Мотя, с довольным видом расправляя плечи. — Молоко я, конечно, коту отдал. Он хоть и наглый, а работу свою сделал.

Кирилл слушал, с трудом сдерживая улыбку. История была весёлой, но подача стала спокойнее, без прежних зашкаливающих эмоций. Даже в самых смешных местах Мотя не срывался, а вёл рассказ с видом бывалого мастера. Было видно, что визит Смирнова произвёл на него впечатление, как и повышение статуса Кирилла. Хотя за полноценного ведьмака его пока не считали. Что поделать — не инициированный.

Глава 11. Процедура утилизации

Утро понедельника вломилось в студию настырным лучом солнца, упёршимся прямо в глаз Кирилла. Он застонал, повернулся на другой бок и наткнулся на пристальный, немигающий взгляд двух изумрудных прожекторов.

«Операция «подъём» провалилась с треском, я уже успел составить отчёт о твоей нерадивости и трижды отправил его высшему руководству, — прозвучал в голове ясный, бодрый и полный сарказма мысленный голос. — Рекомендую немедленно начать процесс реабилитации. Путь лежит через кухню.»

— Отстань, Никлаус, — буркнул Кирилл в подушку. — Какое ещё высшее руководство?

«Я скромно промолчу, что являюсь им. Но факт остаётся фактом: моя миска пуста. А пустая миска утром — верный признак того, что цивилизация на грани коллапса.»

Кирилл с трудом оторвался от кровати. После субботнего разговора со Смирновым мир не перевернулся, но трещина между обыденностью и безумием стала шире. Теперь он не просто ветеринар с привередливым котом. Он ведьмак-недоучка, временный хранитель вселенского сокровища и по совместительству курьер, которому сегодня предстояло тащить треснувшее зеркало в капище Чернобога. Стандартный набор для понедельника.

Он потянулся к холодильнику. За ночь чудес не произошло: никаких новых деликатесов там не возникло. С тоской глядя на недоеденный батон «Докторской» и пакет с остатками гречки, он принялся колдовать над завтраком. Два бутерброда, чай. Автоматические движения успокаивали.

Никлаус тем временем устроился на стуле, обвив хвостом лапы, с видом ревизора из наркомата пищевой промышленности.

«И ты называешь это пищей? — мысленно вздохнул кот, наблюдая, как Кирилл берёт бутерброды. — Это же акт вандализма над собственным желудком. В мою бытность при дворе...»

— В твою бытность при дворе людям головы рубили за меньшие преступления, знаю, — перебил его Кирилл вслух. — У меня ипотека. И сегодня понедельник. Мой желудок согласен на бутерброды.

Выложив себе завтрак на тарелку, он принялся за кота. Отварил куриную грудку, смешал с гречкой и выложил аккуратной горкой в синюю керамическую миску.

«Гречка? — в голосе Никлауса прозвучала лёгкая обида. — Сегодня явно не мой день. Ладно, во имя микроэлементов и твоего скудного воображения, я снизойду.»

Пока кот с аристократическим видом уплетал свой завтрак, Кирилл заварил чай и стал собираться. И тут Никлаус оторвался от миски.

«Кстати, насчёт планов на день. Я поеду с тобой.»

— Никуда ты не поедешь, — отрезал Кирилл, натягивая джинсы. — У меня работа. Приём животных. Ты что, хочешь устроить психоз какому-нибудь мопсу?

«Пустяки. Я могу регулировать своё присутствие. Сделаюсь невидимым. Или хотя бы духовно неосязаемым. Моя сила практически вернулась, я чувствую.»

— Нет, Никлаус. — Кирилл остановился и посмотрел на кота прямо. — Это моя клиника. Мои пациенты и их хозяева. Они и так на нервах, когда приходят. Появление кота, даже самого что ни на есть духовного, не впишется в протокол лечения. Санитарные нормы, в конце концов.

«Санитарные нормы, — с презрением повторил кот. — Это когда ты бутерброд с колбасой, состоящей из сои и отходов, считаешь нормой? Ирония.»

— Решение окончательное. Ты остаёшься дома. На вечер тебе насыпан сухой корм. Проголодаешься — поешь.

Никлаус фыркнул, но спорить не стал. Видимо, возвращение сил делало его не только увереннее, но и немного мудрее. Он демонстративно отвернулся и принялся вылизывать лапу.

Кирилл допивал чай, когда в голове снова раздался голос кота, на этот раз без привычной насмешливой нотки.

«Сила и вправду вернулась. Память тоже. Ощущение... странное. Как будто в голову подселили ещё одного жильца, и он притащил с собой все свои вещи — тысячи лет воспоминаний.»

Кирилл поставил чашку. Новость была и радостной, и одновременно грустной. Радостной — потому что он врач, и его пациент, пусть и говорящий, окончательно выздоравливал.

Печальной — потому что он уже привык к этому наглому, умному и одинокому существу. Мысль о скорой разлуке вызвала грусть, словно предстояло расстаться с близким другом.

— И что же? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Когда собираешься к тому, кому ты, собственно, предназначен? К новому Ломоносову или Менделееву?

Никлаус медленно повернул к нему голову. Его зелёные глаза смотрели пристально, почти бездонно.

«Торопишь меня, прямоходящий? Боишься, что я съем все твои запасы гречки? Расслабься. В ближайшие дни я никуда не денусь. Так что не надейся избавиться от моего общества.»

Кирилл почувствовал, как с плеч сваливается тяжёлый груз, о котором он даже не подозревал. И только сейчас осознал, насколько успел привязаться к этому невозможному коту.

— То есть как это? — переспросил он. — А твой... хранитель? Твой долг?

«Мой долг — это я сам и решаю, — с лёгким гонором ответил кот. — И у меня есть на то минимум две причины. Во-первых, та самая карга, что полезла за мной из зеркала. Её надо найти и выяснить, как она умудрилась провернуть этот фокус. Кто помогал, какие артефакты использовала. Это первый подобный случай за всю мою долгую жизнь. Такие... паровозы надо давить, пока они чайники. Понимаешь?»

Кирилл кивнул, едва сдерживая смех. Кошачья интерпретация поговорки его позабавила.

— Понимаю. А вторая причина?

«Вторая причина — ты. Ты не знал, кто я такой. Не ждал награды. Не рассчитывал получить силу или знания. Просто лечил больного, потому что это правильно. Поверь, за многие века я видел подобное куда реже, чем принято думать. Ты меня кормил, купил достойную посуду. Пусть и с неохотой. Но бескорыстно. Такой поступок не остаётся без ответа. Я должен отплатить. Должен. Но я ещё не решил, как именно. Мыслию... Есть ещё и третья причина... — Никлаус неожиданно замолчал. — Нет. О ней пока рано.»

— Интригуешь, — фыркнул Кирилл, вставая и забирая со стола свою тарелку. — Ладно, отложенный отъезд — это хорошая новость. Значит, сегодня вечером встречаемся дома в полной боевой готовности. Будем обсуждать, как мы будем ловить твою «каргу».

«Не сомневайся, — лениво потянулся Никлаус. — А теперь ступай выигрывать свою ежедневную войну с блохами, лишаями и человеческой безответственностью. И попробуй хоть раз поесть как цивилизованное существо.»

На прощание кот мотнул головой в сторону холодильника, и Кирилл почувствовал лёгкий, едва уловимый толчок в свою руку. Он посмотрел на ладонь, потом на кота. Тот уже лежал на подоконнике, развернувшись к нему спиной, но кончик его хвоста дёргался с едва скрываемым самодовольством.

Кирилл покачал головой. Жизнь определённо стала сложнее. Но, чёрт возьми, скучной её назвать было нельзя.

Дорога до клиники прошла на удивление спокойно. Весеннее утро было солнечным, но прохладным. Кирилл, привычно лавируя в потоке машин, ловил себя на мысли, что чувствует

себя... собранным. Трещина в реальности никуда не делась, но теперь он знал, по какую сторону от неё стоит. Он — ведьмак. Пока ещё не инициированный, но ведьмак. А ведьмакам положено сохранять хладнокровие даже в понедельник.

Припарковавшись у знакомого здания, он глубоко вздохнул и направился внутрь, стараясь придать своей походке побольше деловитости. Первым делом — к начальнице. Отчитываться за прошлую пятницу.

Кабинет Анны Викторовны пах кофе, антисептиком и лёгкой властью. Сама она, женщина лет пятидесяти со строгой причёской, сидела за компьютером, но, увидев Кирилла, отложила очки в сторону.

— Орлов. Ну что там с вашей машиной? — спросила она, окидывая его оценивающим взглядом. — Жива?

— Доброе утро, Анна Викторовна, — вежливо кивнул Кирилл. — Да, всё более-менее улажено. Вмятина осталась, конечно, как напоминание о бренности бытия, но стекло поменяли, документы оформили. Ездить можно. Ещё раз спасибо, что отпустили.

— Не за что. Хорошо, что обошлось. А то у нас и без того с кадрами напряжёнка. — Она вздохнула.

— Я это понимаю. Поэтому я готов отработать свой отгул в ближайшую субботу или воскресенье. Останусь на дежурство. Без проблем.

Анна Викторовна удивилась, на её лице мелькнуло лёгкое подозрение.

— Инициатива? От вас, Орлов, не дожدهшься. Все в порядке? Уж не девчонка ли новая объявилась, что вам суббота резко разонравилась? — В её голосе прозвучала привычная, слегка уставшая ирония.

Кирилл фыркнул.

— Нет, что вы, Анна Викторовна. С девчонками всё по-старому. Просто... надо быть ответственным. И машину надо было чинить, и долги отрабатывать.

Начальница внимательно посмотрела на него, будто проверяя на искренность, затем кивнула.

— Ладно. Заносить в график буду? Или так — по настроению?

— Заносите, пожалуйста. На субботу. Я буду.

— Хорошо, Орлов. Ценю. Беги, работа ждёт.

Выйдя из кабинета, Кирилл почувствовал странное удовлетворение. Маленькая ложь о машине была необходима, но вот это предложение отработать было чистой правдой. Каким-то образом безумие выходных вернуло ему чувство долга. Не только магического, но и простого, человеческого.

Войдя в свой кабинет, Кирилл первым делом нашёл взглядом зеркало. Оно стояло в углу, прислонённое к стене, и паутина трещин на его поверхности казалась ещё выразительнее при дневном свете. На него было неприятно смотреть — в памяти всплывали тощее лицо с горящими угольками глаз и леденящее дуновение из щели.

Он достал из сумки запасную наволочку — простую, ситцевую, с цветочным узором, нелепый контраст мрачному артефакту. Аккуратно, стараясь не касаться стекла, натянул её на зеркало, словно накрывая покойника. Теперь это был просто бесформенный свёрток в углу. Почти обычная вещь. Почти.

Первый пациент был записан только на десять. В запасе оставалось минут сорок. Кирилл сел за стол, откинулся на спинку стула и уставился в потолок. Тишина в кабинете была звенящей, нарушаемая лишь гулом холодильника и отдалёнными звуками города за окном. Идеальные условия для того, чтобы окончательно сойти с ума, то есть — поразмышлять о жизни.

Мысли путались, наскакивая друг на друга.

«Я ведьмак. Сын следователя. Во мне спит сила, которую надо разбудить. Смирнов должен найти место для инициации. Скоро я... изменюсь. Стану другим? Или просто узнаю себя настоящего?»

Он посмотрел на свои руки — обычные руки ветеринара с коротко подстриженными ногтями, привыкшие держать скальпель, ощупывать животных, зашивать раны. Скоро через них будет проходить сила его рода. Звучало как бред.

Мысли плавно перетекли на Светлану. Светку-конфетку — так он прозвал ее еще в школе. Все началось на олимпиаде по биологии, где Кирилл, одиннадцатиклассник, сгоряча спорил о тонкостях митоза с дерзкой девятиклассницей из первого лица. Она оказалась не по годам умной, острой на язык и смотрела свысока, но в глубине зрачков плясало чистое упрямство.

После награждения выяснилось: живут в соседних дворах Рабочего поселка. Светка подошла первой: — Ну что, признаешь поражение, биолог-теоретик?

Кирилл тогда знатно смутился, а она рассмеялась — открыто и заливисто. Действительно, конфетка. Сладкая, но с твердой начинкой.

Тогда это была детская влюблённость. Прогулки до дома, первые неловкие поцелуи в подъезде, когда сердце стучало в груди наперебой. Он дарил мимозы и тюльпаны, купленные в киоске, а она в ответ приносила книги по биологии, которые парень иначе бы никогда не достал. Общие знакомые, дни рождения на кухнях хрущёвок... Казалось, это навсегда.

Но навсегда не получилось. Кирилл пошёл в сельхозакадемию, она — в медицинский. Сначала виделись часто, но с каждым годом мир девушки становился всё больше и амбициознее. Раздражали низкая зарплата ординаторов, «вечные сопли и вопли» в больнице, бестолковые пациенты. Парень видел, как внутри подруги зреет жадный червь — желание денег, статуса, признания. Медицина быстро стала для Светланы не призванием, а трамплином.

Уход в бьюти-бизнес стал делом времени. Сначала — «уколы красоты» в частном кабинете. Потом — работа с хитрым лазерным оборудованием, которое якобы омолаживало кожу на клеточном уровне. Кирилл не вдавался в подробности. Для него всё это пахло шарлатанством и отчаянным желанием Светки вырваться из серой пермской действительности. Она теперь работала в крупной федеральной сети, мечтала о кресле регионального представителя, а в перспективе — о Москве. Личный водитель, дом в Италии... Он слушал грандиозные планы и ловил себя на мысли, что представляет не виллу на побережье, а девушку совершенно одну в огромном пустом доме, в окружении дорогих, но бездушных вещей.

Их отношения медленно, но верно превратились в удобный ритуал. Они встречались один-два раза в неделю. Ходили в кино или ужинали. Потом — близость. Без страсти, но и без отвращения. Как гигиеническая процедура. Как чистка зубов. Она снимала двухкомнатную квартиру в Индустриальном, поближе к работе. Кирилл жил в студии с ипотекой. Никто не стремился съехаться, завести детей, стать настоящей семьёй. Это было бы смешно. Она — карьеристка на взлёте. Он — ветеринар, который едва сводит концы с концами. Они были друг для друга привычной частью будней — доказательством того, что чувства вроде бы существуют. Просто однажды реальность отступила, превратившись в привычку.

И вот сейчас, сидя в кабинете и глядя на свёрнутое в цветочную наволочку зеркало, Кирилл думал о том, что в четверг ему предстоит встречать Свету из московской командировки. Самолёт прилетал вечером. Ритуал. Он должен был купить букет роз — она любила эти цветы, — приехать в аэропорт, постоять у выхода, перехватить чемодан.

Девушка выйдет уставшая, но подтянутая, в дорогом деловом костюме. Будет пахнуть самолётом и дорогими духами. Они поцелуются в щёку.

— Ну как, успешная поездка? — Утомительно, но перспективно.

Они поедут в Индустриальный. По дороге Света будет рассказывать о новых препаратах, о тренингах, о важных знакомствах. Кирилл станет кивать, думая о своем. Потом девушка,

возможно, заметит отстранённость собеседника: — Ты чего такой кислый? Ипотека давит? И он ответит что-то вроде: — Да так, устал.

Эта ложь станет первой из многих, которые теперь будут следовать за ним по пятам. Раньше подобная перспектива вызывала у него лишь лёгкую скуку. Теперь же она будила почти физическое отторжение. Жизнь раскололась на «до» и «после» того дня, когда в клинику ворвалась незнакомка с переноской. Старый, удобный уклад со Светланой казался парню тесным, будто выросшему подростку детские штаны. Какую часть правды он сможет ей рассказать? Никакую.

Привет, родная. Я пока не жених мечты, зато теперь наполовину маг, у меня дома живёт кот-библиотека, а на днях я таскал зеркало в подземное капище Чернобога.

Он представил реакцию девушки: сначала недоверие, потом попытка найти логику: «Кирилл, ты переработал, тебе к неврологу надо!» А затем — холодное, стремительное отторжение. Для выстроенного, прагматичного мира Светланы эта реальность была бы вирусом. Кроме того, правда запрещена, а за нарушение запрета карает Следственный Департамент.

И конечно, язык за зубами. Придется и дальше разыгрывать прежнего Кирилла. Ветеринара. Парня с ипотекой. Удобного, предсказуемого спутника. Эта мысль давила сильнее всего. Быть настоящим отныне опасно. А притворяться прежним — тошно. Между ним и Светой возможно уже легла невидимая трещина. И с каждой минутой этот разлом будет становился шире.

Размышления оборвал резкий, требовательный лай из приёмной. Голос Марины: — Кирилл Игнатьевич, к вам! Шпиц, подозрение на аллергию!

Кирилл вздохнул, потёр лицо ладонями и встал. Рутинная звала. И, как ни странно, в этот момент она была желанным спасением. Осмотр животного, диагноз, рекомендации — всё это было ясно, логично и не требовало лжи о ведьмаках, говорящихкотах и зеркальных ведьмах.

Лай за дверью нарастал, сливаясь воедино с взволнованным голосом хозяйки. Кирилл глубоко вздохнул, отогнал от себя мысли о Светлане, капищах икотах-библиотеках и распахнул дверь.

В приёмной его ждала знакомая картина: молодая женщина, чуть ли не в панике, пыталась удержать на руках маленького, пушистого шпица цвета сливочного мороженого. Пёс, чьё имя, если Кирилл не забыл, было Боня, отчаянно вырывался, захлёбываясь лаем и чихая.

— Кирилл Игнатьевич, спасите! — почти взывала хозяйка. — С утра чешется, чихает, глаза слезятся! Всю ночь, кажется, лизал себя без остановки!

— Успокойтесь, Татьяна, сейчас разберёмся, — автоматическим, профессионально спокойным тоном сказал Кирилл.

Его голос звучал твёрдо, и это немедленно действовало и на хозяйку, и, что удивительнее, на собаку. Бонин лай перешёл в недовольное похныкивание.

Он провёл их в кабинет, усадил на смотровой стол. Его пальцы, ещё минуту назад бесцельно лежавшие на столе, теперь двигались уверенно и точно. Он гладил собаку, раздвигал шерсть, заглядывал в уши, в глаза.

— Аллергия, — констатировал он через пару минут. — Скорее всего, пищевая. Что нового в рационе вводили?

Начался стандартный диалог: вопросы, ответы, советы. Мир сузился до размера смотрового стола. Не было магии, не было наследия Игната Орлова. Было живое существо, которое плохо себя чувствовало, и его нужно было вылечить. Эта простота была бальзамом на душу. Кирилл выписал антигистаминный препарат, посоветовал гипоаллергенный корм на неделю и порекомендовал вести пищевой дневник.

Когда Татьяна с значительно успокоившимся Боней ушли, Кирилл почувствовал странное удовлетворение. Вот оно, его настоящее дело. То, в чём он был уверен. Один маленький пёс стал чувствовать себя лучше благодаря ему. Это был простой, осязаемый результат.

За шпием пришла кошка с конъюнктивитом, потом попугай с подозрением на линьку. Рабочий день набирал обороты, заполняясь знакомой суетой, запахом антисептика и шерсти, разговорами с хозяевами. Каждый новый пациент был глотком нормальности, якорем, который удерживал Кирилла в привычном мире, пока за его спиной в углу молча стоял свёрток, напоминающий о другом мире.

К концу дня усталость была приятной, физической. Он заполнил журналы, помыл инструменты. Ветер за окном усиливался, предвещая вечернюю прохладу. Самое время было выполнить последнюю на сегодня миссию.

Зеркало, завернутое в наволочку, оказалось на удивление тяжёлым и неудобным для переноски. Кирилл, прижимая свёрток под мышкой, вышел через чёрный ход, чтобы избежать лишних вопросов. Воздух ударил в лицо холодком.

И тут же его взгляд упал на припаркованный неподалёку тёмно-серый внедорожник. Узнаваемый джип Смирнова. Водительское окно было приоткрыто, и оттуда доносились негромкие, но чёткие звуки классической музыки — что-то скрипичное, напряжённое и прекрасное. Совершенно не вязалось с образом сурового следователя. Впрочем, за последние несколько дней Кирилл уже успел убедиться: мир гораздо сложнее привычных ярлыков.

Кирилл подошёл. Смирнов сидел за рулём, откинувшись на подголовник, глаза были закрыты. Казалось, он не просто слушал, а погружался в музыку с головой.

— Николай Петрович? — осторожно окликнул Кирилл.

Смирнов не вздрогнул. Он медленно открыл глаза, повернул голову. Взгляд был ясным, без тени сна.

— Орлов. Садись. — Он кивнул на пассажирское сиденье. — Свой груз — на заднее. Аккуратно.

Кирилл сделал, как велели. Салон пах кожей и дорогим табаком, но не прокурено — скорее так, будто хозяин позволял себе сигарету лишь изредка, когда хотел подумать. Музыка смолкла — Смирнов выключил магнитоу.

— Пристёгивайся. Поехали.

Джип тронулся с места почти бесшумно.

Ехали молча. Смирнов не задавал вопросов, и Кирилл был этому рад. Он смотрел в окно на мелькающие улицы, на огни реклам, на людей, спешащих по своим делам. Они проезжали мимо обычного мира, направляясь в его самое тёмное подбрюшье.

— Дальше — пешком, — голос Смирнова нарушил тишину, когда они свернули в тихий городской закуток неподалёку от бывшего военного училища, ныне переделанного под бизнес-центр. Машина плавно остановилась в переулке. Смирнов выключил зажигание. В салоне стало тихо, слышалось лишь тиканье остывающего мотора.

— Ну что, готов к небольшой прогулке? — Смирнов обернулся к Кириллу, и в глазах мужчины мелькнула едва уловимая искорка. — На свежем воздухе. С артефактом в руках?

Они вышли из машины. Вечерний воздух был прохладным и влажным. Пахло городом, бензином и затхлой сыростью, тянувшей от ближайшей помойки. Смирнов запер автомобиль и уверенно повёл спутника вглубь двора. Это было мрачное место: металлические гаражи, разбитый асфальт, кучи отходов у контейнеров.

— Здесь? — не удержался Кирилл, с недоумением оглядываясь.

— Именно здесь, — без тени сомнения ответил Смирнов. — Самые тёмные двери часто прячутся на самом виду. В самом неухоженном углу.

Они подошли к старой, обшарпанной трансформаторной будке. Рядом пробивалась весенняя крапива, да валялись пустые бутылки.

И тут Кирилл почувствовал это.

Не запах. Не звук.

Нечто иное — давящее, неприятное ощущение в самой глубине сознания.

Это было похоже не на страх, а на инстинктивное желание немедленно развернуться и уйти. Так иногда тело реагирует на опасность раньше, чем её успевает осознать разум.

Ему резко расхотелось здесь находиться. Зашумело в голове, в горле встал ком. Это было похоже на внезапный, ничем не обоснованный приступ паники.

— Николай Петрович, — с трудом выдохнул он, останавливаясь. — Мне как-то... не по себе.

Смирнов обернулся, внимательно посмотрел на него и кивнул.

— Чувствуешь? Хорошо. Это защитное заклятье. Оно не причиняет вреда, но внушает всему живому одно желание — уйти. Прочь. Любой ценой.

Он шагнул к Кириллу и положил ему на плечо ладонь. Рука была тёплой и невероятно тяжёлой, будто свинцовой.

— Спокойно. Не сопротивляйся ему. Просто дыши. Сейчас пройдёт.

И действительно, стоило Смирнову прикоснуться к нему, как давящий груз исчез. Голова прояснилась, тошнота отступила. Кирилл глубоко вздохнул.

— Вот так-то лучше, — Смирнов убрал руку. — Теперь смотри.

Смирнов сделал несколько плавных пасов перед трансформаторной будкой, негромко бормоча на старославянском. Воздух потерял четкость, словно ластиком стерли грань между двумя кадрами. Прямо за будкой проступили очертания массивной, вросшей в землю каменной плиты. Еще секунду назад там был пустырь. На сером граните отчетливо виднелась высеченная дуга — раскрытая пасть неведомого чудовища. А в самом центре зияло тяжелое железное кольцо.

— Полагаю, подобных дверей в твоей ветеринарной практике ещё не встречалось? — Смирнов обернулся к Кириллу с лёгкой усмешкой.

Тот только молча покачал головой, не в силах отвести глаз от внезапно возникшего портала в иное измерение посреди пермского двора.

— Запоры снял. Теперь главное — не испугаться.

Смирнов взялся за кольцо. Казалось, ему придётся приложить недюжинное усилие, но дверь поднялась неожиданно легко, лишь тихо скрипнув древним камнем, обнажив тёмный провал и уходящие вниз каменные ступени. Оттуда пахло холодом, сыростью и вековой пылью.

— После тебя, коллега, — Смирнов жестом указал на проём.

Смирнов достал из кармана два налобных фонаря, один протянул Кириллу.

— Без этого никак. Древние боги, как правило, не заботились об освещении.

Они включили фонарики, и яркие лучи упёрлись в каменные ступени, уходившие в непроглядную тьму. Спуск был недолгим, но каждый шаг отдавался эхом в гулкой тишине. Вскоре ступени закончились, и они оказались в низком, но широком коридоре, сложенном из грубых каменных блоков. Стены были влажными на ощупь, по ним стекали струйки воды.

Они прошли метров пятьдесят, и коридор вывел их в обширное подземное помещение. Даже мощный луч фонаря не мог сразу осветить его целиком. Воздух здесь был густым, тяжёлым и затхлым, им было трудно дышать. Пахло тлением, влажным камнем и чем-то кислым, напоминающим уксус.

Центром зала был алтарь — огромная глыба чёрного камня, отполированного до зеркального блеска. По стеклянному отблеску Кириллу почему-то вспомнился обсидиан. Даже с расстояния на его поверхности были видны тёмные, почти чёрные пятна и подтёки — следы бесчисленных жертвоприношений, казалось, впитавшиеся в камень навсегда.

Своды пещеры поддерживали массивные колонны из тёмного базальта. Луч фонаря выхватывал на них устрашающие барельефы — сцены пыток, изображения страдающих существ, символы, от которых кровь стыла в жилах. Между колоннами свисали древние,

истлевшие знамёна с выцветшими изображениями звёзд, полумесяцев и других, не поддающихся идентификации знаков.

Кирилл почувствовал, как по его спине побежали мурашки.

Это было не просто страшно.

Это было оскверняюще.

Казалось, сама тьма здесь живая. Ему почудилось, что тени у стен шевелятся независимо от движения лучей фонарей, а где-то на грани слуха слышится навязчивый, неумолчный шёпот на забытом языке.

— Ничего не трогай, — тихо, но очень чётко сказал Смирнов. Его голос прозвучал неестественно громко в этой давящей тишине. — Не прикасайся ни к чему. И не смотри слишком долго в одну точку. Особенно на алтарь. Не пытайся понять, что ты на нём видишь. Просто сделаем, что пришли сделать, и уйдём.

Он взял у Кирилла свёрток с зеркалом и, не подходя близко к центру, положил его прямо на землю у входа в зал. Зеркало, даже завёрнутое, казалось инородным, жалким предметом в этом месте древнего ужаса.

— Достаточно. Через несколько месяцев от зеркала не останется даже памяти. Это место умеет переваривать подобные вещи. Энергия этого места всё пережует, — Смирнов развернулся. — Пошли.

Каменные стены коридора давили на плечи, выталкивая наружу. Кирилл почти бежал за следователем, мечтая поскорее выбраться из этого склепа.

Наконец под ногами появились ступени. Они вырвались наружу, и Смирнов резким взмахом руки оборвал связь. Плита встала на место с глухим, отсекающим стуком, словно крышка гроба.

Кирилл судорожно выдохнул. После затхлого удушья подземного капища ночная прохлада казалась нектаром. Короткий разворот — и сзади снова лишь пустырь, старая будка да поросль крапивы. Морок захлопнулся наглухо.

— Ну, вот и всё. Артефакт пущен на утилизацию, а глав ковенов ведьм я предупредил, где его можно осмотреть, — Смирнов выдохнул, и из его рта вырвалось маленькое облачко пара. Он посмотрел на Кирилла. Его лицо в свете уличного фонаря выглядело усталым, но собранным.

Затем он продолжил:

— Думаю, пары-тройки дней ведьмам будет достаточно, чтоб вычислить товарку-нарушителя.

— А теперь, Кирилл Игнатьевич, пора думать о твоём посвящении. Место я уже присмотрел.

Они молча пошли к машине.

Глава 12. Место венценосной крови

Смирнов шёл к машине, и тёмный силуэт чётко вырисовывался в свете одинокого фонаря. Кирилл, унимая мелкую дрожь в коленях, плёлся следом. Напряжение, копившееся всю дорогу и во время жуткой утилизации зеркала, наконец отпустило. Внутренняя пружина с силой разжалась.

Едва дверь джипа захлопнулась, отсекая уличный шум, Кирилл набросился на Смирнова с вопросами, которые душили его всё это время.

— Николай Петрович, где? — выпалил он, даже не пристёгиваясь. — Где это будет? Инициация. И как? Что мне нужно делать? Что с собой брать? Нужно ли как-то готовиться? Голодать, молиться, формулы учить?

Он сыпал вопросами, как из автомата, чувствуя, как голос срывается на высокой ноте. В голове проносились обрывки образов: ритуальные круги из фильмов, заклинания из книг, танцы с бубнами вокруг костра.

Смирнов, заведя двигатель, посмотрел на него спокойным, немного усталым взглядом. Лёгкая усмешка тронула уголки его губ.

— Выдохни, Кирилл. Выдохни и пристегнись, — его голос был ровным, как поверхность озера в безветренный день. — Понятно твоё состояние. Первый раз в капище Чернобога, осознание предстоящего... Нормально. На все твои вопросы я постараюсь ответить. По порядку.

Он тронул с места, и машина плавно покатила по ночным улицам, оставляя позади зловеющий пустырь. Кирилл, с трудом совладав с дрожью в пальцах, защёлкнул ремень.

— Я ранее тебе говорил, — начал Смирнов, переключая передачу, — что ты пропустил свою инициацию. Не по своей вине, конечно. Но факт остаётся фактом. Обычно это тихий, почти семейный обряд. Как последний штрих. А у тебя... — он метнул в сторону Кирилла быстрый взгляд, — у тебя дар проспал двадцать пять лет. Его не просто разбудить. Его нужно встряхнуть. Сильно. Поэтому и место нужно не абы какое, а с мощным энергетическим потенциалом.

— Малёбка? — предположил Кирилл, вспоминая разговоры об аномальных зонах Пермского края.

— Изначально думал о ней, — кивнул Смирнов. — Но потом передумал. Зачем ехать за сто вёрст, если в самом городе есть точка, которая по силе не уступит? Даже превзойдёт — для твоих целей. Место, где сошлись две великие силы — созидаящая и разрушающая. Идеальный катализатор.

Он сделал паузу, давая Кириллу осознать сказанное. За окном мелькали огни вечернего города, знакомый, обыденный мир, который вскоре должен был рухнуть для Кирилла окончательно.

— Так где? — не удержался Кирилл. Его голос снова стал тише, но в нём появилась сталь.

— Завтра, после работы, я отвезу тебя на место, — Смирнов свернул на знакомую улицу, ведущую к клинике. — Чтобы понять место, куда мы завтра поедem, нужно вспомнить одну старую историю. Что ты знаешь о царской семье? О последнем императоре?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Кирилл на мгновение опешил. Его мозг, настроенный на магические термины и ритуалы, с трудом переключился.

— Ну... Николай Второй, — неуверенно начал он. — Расстреляли его, семью. В революцию. Сейчас, вроде, святые. А что?

Машина подкатила к стоянке у ветклиники, где стояла его старенькая иномарка. Смирнов остановился рядом.

— Мало, — констатировал Смирнов, затормозив у машины Кирилла. — Очень мало. Но для начала сойдет. Дам тебе краткий экскурс в прошлое. Оно тесно связано с местом, куда мы едем. И с конкретным членом семьи Романовых.

Следователь выключил зажигание. Щелкнули остывающие реле, и в салоне повисла тяжелая пауза. Кирилл замер в пассажирском кресле, замороженный анонсом тайны. Улица за окном теперь казалась бутафорской, картонной декорацией к чему-то бесконечно более реальному и древнему.

Смирнов откинулся на подголовник. Пальцы бесшумно забарабанили по рулю. Мужчина смотрел сквозь лобовое стекло, но взгляд был обращен в глубь столетий.

— Мало — это не упрек, Кирилл, — заговорил он наконец. Голос приобрел мерные, повествовательные интонации архивариуса. — Знаю, история — не главный предмет у будущих ведьмаков. Но летопись этой земли всегда пропитана кровью. А кровь особого рода — мощнейший катализатор. Магический аккумулятор, если хочешь.

Он повернулся к Кириллу, и в полумраке салона его глаза казались совсем темными.

— Многие знают про Ипатьевский дом в Екатеринбурге, где расстреляли царскую семью. Но за месяц до этого, в июне тысяча девятьсот восемнадцатого года, здесь, в Перми, случилось другое убийство. Не менее значимое. Может, даже более важное для нас с тобой.

Кирилл замер, стараясь не дышать, чтобы не спугнуть слова.

— В ночь с двенадцатого на тринадцатое июня, — продолжил Смирнов, и даты прозвучали как заклинание, — из гостиницы «Королевские номера», что находилась в центре города, вывезли великого князя Михаила Александровича. Младшего брата Николая Второго. Человека, который после отречения государя некоторое время вообще-то считался императором де-юре, потому что Николай отступил от престола именно в пользу Михаила. Вместе с князем был секретарь, англичанин Джонсон.

Воздух в салоне стал густым. Кириллу почудился запах пыли старых газет и пороха.

— Вывезли и расстреляли. В лесу, за городом. Место это называли тогда, да и сейчас называют Тараканьи горки. Неподалёку от Соликамского тракта. — Смирнов сделал паузу, давая осознать. — Организатором был пермяк, Василий Иванченко. На тот момент — начальник местной милиции. Бывший токарь. Вот такой поворот судьбы. Рабочий, убивший Романова.

Он замолчал, глядя на Кирилла, проверяя, понимает ли тот, к чему клонит повествование.

— И что? — тихо спросил Кирилл. — Место казни... оно и есть место силы?

— Место, где насильственно прервалась жизнь человека царской крови, носителя огромной, хоть и подорванной, власти, — поправил его Смирнов, — это всегда аномальная зона. Там сталкиваются миры. Сила рода, сила власти, накопленная веками, в один миг разлилась вокруг. Произошёл разрыв. Эхо тех выстрелов до сих пор отдаётся в магическом поле города. Там столкнулись воля правителей и стихия разрушения. Созидающая многовековая магия царского рода и хаос насильственной смерти. Идеальный котёл для того, чтобы переплавить твой спящий дар и выковать из него нечто новое. Сильное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.